

Михаил БАРУ

ЧЕТЫРЕ КОНЦА КИТАЙКИ СИНЕЙ

Лальск

По прямой от Москвы до Лальска около восьмисот километров, но это если по прямой, по которой до него не доехать. Если же по железной дороге, то куда больше тысячи. Удобнее всего сначала до Нижнего, а потом из Нижнего на воркутинском поезде до станции Луза, а уж от Лузы до Лальска всего три десятка километров, но автобус их проходит часа за два с остановками. На такси быстрее, но тоже не меньше часа, потому как дорога до Лальска грунтовая, разбитая лесовозами, осенью и зимой вообще почти непроходимая, а зимой хоть и проходимая, но похожа на обледенелую стиральную доску, и ехать по ней надо осторожно переставляя колеса. Аварии, как рассказал мне словоохотливый таксист из Лузы, случаются часто. Недавно вот автобус перевернулся, были жертвы... Он о многом еще рассказывал – о том, что самые высокие заработки в районе на лесоповале, но это всего несколько месяцев в году, да и не всем везет устроиться на такую работу, о том, что большая часть тех, кто работает здесь, вкалывает без продыху на лесопилках, что уезжают на Север и в Сибирь добывать нефть и газ, что половина района «сидит на стакане»...

По уму-то надо бы расстояние до Лальска считать не от Москвы, а от Новгорода, но не Нижнего, а Великого, потому как Лальск основали беглые новгородцы в пятьсот семидесятом году, аккурат в тот самый год, когда Иван Грозный со своим опричным войском устроил в Новгороде такой погром, что некоторые из новгородцев, опасаясь за свои жизни, решили бежать от греха подальше из города. В 1765 году эти события священник Устюжского Успенского собора Лев Вологдин в своем «Летописце о великом граде Устюге» описывал так: «...А когда грозный царь Иван Васильевич казнил новгородцев и своих изменников, будучи сам своею особою в Новеграде, тогда неции от граждан совещающиеся, усоветовали тайно избежать из Новаграда и вселиться в пусте месте, иде же бог наставит, и тем свободитися царскаго гнева. И тако, оставившее жительство свое Великий Новград, странствовали по лесам, пустыням и непроходимым местам дотоле, донеле же достигли богом наставляеми реки Лалы, в пустом месте течение свое продолжающей, от Устюга на Сибирь в разстоянии 80 верст, и ту поселилися. Пребывающим же им на том месте, начали размножатися и нарекошася по имени реки Лалы лалечана»... Выходит, что не нагрянь со своими опричниками из Москвы Иван Васильевич, Лальска и не было бы. М-да... Как ни крути, а расстояние надо считать и от Москвы тоже.

Бог наставил будущих основателей Лальска пройти, проехать и проплыть от Новгорода больше тысячи верст на северо-восток. В те времена лесов, пустынь и непроходимых мест было более чем достаточно, и потому шесть десятков человек с чадами и домочадцами, со всеми своими ендовами, братинами, запасными валенками, онучами, меховыми рукавицами, нагольными тулупами, наборами рыболовных крючков, рогатинами и капканами на медведей сумели уйти от ищеек царского правительства и добраться до реки Лалы. Правда, насчет пустого места летописец ошибался. В Лальской округе к моменту появления новгородских беженцев уже существовало, еще с начала шестнадцатого века, около десятка деревень.

Кроме деревень со славянскими поселенцами в тех местах обитали еще и племена чуди, которые пришлым воинственным новгородцам были совсем не рады. Чудь можно понять. Живешь ты в этих местах десятки и даже сотни лет, ловишь рыбу, охотишься, а тут приходят совершенно посторонние люди, норовят обложить тебя данью и обратить в христианство. Поневоле и станешь на них нападать. Правда, нападения эти успеха не имели и мало-помалу чудь отступала все дальше и дальше на восток к Уралу и в Сибирь.

Дотошные краеведы выяснили, что фамилии первых жителей Лальска, который тогда еще и Лальском-то не назывался, в большинстве своем совпадали с фамилиями жителей окрестных славянских поселений, а не с фамилиями, которые были в те времена у жителей Новгорода. Скорее всего на том месте, где возник Лальск, уже существовало какое-то, пусть и небольшое поселение, но... мы не будем копать в этом месте. У нас есть красивая и, как говорит большинство историков, правдивая легенда. Тем более, что упоминается она не в одной, не в двух, а в четырех устюжских летописях. Нам этой легенды для рассказа о Лальске более чем достаточно.

Кстати, о названии. Городок, основанный на высоком берегу Лалы за три версты от впадения ее в реку Лузу, поначалу назывался неблагозвучно – Ботище. Происходит это название от древнерусского «ботение», что означает «насыщение, наполнение водой». Стояло поселение у впадения совсем уже мелкой речки Бучихи в небольшую Лалу. Впервые Лальск описан в приправочных книгах дозора Василия Самарина по Сольвычегодскому посаду и уезду за шестьсот двадцатый год: «...В Лальской же волости на реке на Лале на осыпи бывал городок Ботище ниже Николскаго погосту на берегу, а в осыпи церковь Михаила Архангела вверх шатровой ставят ново мирские люди Лальскою волостью, а дворов в осыпи нет, а поставлен острог около Николскаго Лальскаго погосту по реке по Лале по берегу вверх от осыпи, а из острогу трои ворота проезжие да 8 башен глухих, а в остроге государев казенный погреб, а на нем амбар кругом у амбару тын стоячий вострой на иглах, а в нем за замком и за печатью у острожных приказщиков у Овдейки Паламошнова с товарищи государева казна: 12 пищалей затинных, а к ним 1000 ядер железных, да 20 рушниц¹ да обломки рушницы да в 3-х бочках 11 пуд зелья пищального да в станках и усечках и в пульках 7 пуд свинцу, да 30 стрел, да 10 прапоров зенденных² розными цветы да 300 лыж...».

Должно быть это было красивое зрелище – стрельцы на лыжах, вооруженные легкими рушницами и тяжеленными затинными пищалами, с развевающимися перед строем разноцветными шелковыми флагами... Вот только зачем гарнизону этого крошечного острога нужно было десять разноцветных шелковых флагов – ума не приложу.

Правда, к середине семнадцатого века в приправочных книгах Ивана Благого и подъячего Василия Архипова за шестьсот сорок пятый год читаем: «острог весь подгнил, только стоят ворота до башни да и те все ветхи и развалились», но это еще только через четверть века будет, не раньше.

На самом деле Лальский острог был не таким уж и маленьким – в нем было трое проезжих ворот – Никольские, Покровские и Устюжские и восемь глухих башен. И все эти башни, пищали, рушницы, тысяча ядер, пуды свинца, стрелы, пищальное зелье – все это было совсем не лишней предосторожностью. Смута к тому времени официально лет семь как закончилась, но смутьяны в окрестных лесах еще долго не переводились. Прямых свидетельств о том, что жители Лальска или лалетяне, как их тогда называли, принимали участие в боевых действиях, не имеется. Приходили ли к ним воровские шайки поляков, литовцев и казаков доподлинно неизвестно, но в шестьсот двадцать пятом году владельцы деревень, расположенных всего в двух верстах от Лальска, заявили переписчикам о том, что купчие на их земли «пропали в приход казанских татар».

Внутри острога был стандартный по тем временам набор: две церкви, арсенал с оружием, тюрьма, государев кабацкий двор и таможенная изба, в которой собирали налоги со всех торгующих. Нестандартным было то, что дома лальского посада были не разбросаны как попало вокруг острога, а выстроены по улицам: Калининой, Запольской, Кабацкой и Гулыне. Самая длинная называлась Большой. Она и сейчас самая длинная, только называется улицей Ленина.

Надо сказать, что торгующих в лальском погосте было большинство. По данным переписей здесь в шестьсот двадцать пятом году имелось более шести десятков «безпашенных» дворов, то есть таких дворов, хозяева которых не сеяли и не пахали, а занимались торговлей. Переписчики про них так и писали в своих отчетах: «а пашен,

государь, у них на Лальском повосте тож кроме дворов нет; а промышляют оне, государь, Лальского повоста посадские люди отъезжими и тутошними торгами». И то сказать – пахать и сеять в этих местах конечно можно, но при том, что зима здесь длится столько, сколько захочет, а морозы... нет, что ни говори, а промышлять торговлей куда выгоднее. Тех, которые не торговали, а зарабатывали на жизнь ремеслом, можно было перечесать по пальцам – один столяр, один иконник, один кирпичник, один хлебопек и один серебряных дел мастер. Кузнецов, правда, было больше. Они в те времена были кем-то вроде шиномонтажников. Оно и понятно – перекресток торговых путей, а по этим путям идут люди и лошади, лошади, лошади, которых нужно было время от времени подковывать и перековывать.

Тем же, кто не торговал, не столярничал, не подковывал лошадей и не пек калачей, приходилось туго. Часто встречаются в писцовых книгах первой половины семнадцатого века, описывающих Лальский погост, то кельи, в которых живут нищие черницы, «питающиеся от церкви Божией», то нищая вдова Аксинья, то нищая вдова Анна, то нищий Ивашка Баран, то нищая Марфа Сенькина, то шесть дворов бобыльских, а в них «живут бедные люди, кормятся в миру Христовым именем». Про бобыля Тимофея Сидорова записано, что он «бродит меж двор». Крестьяне, занимавшиеся в деревнях Лальской волости хлебопашеством, жили немногим лучше нищих. По переписным книгам шестьсот сорок пятого года про жителей этих деревень сказано, что от высоких налогов и неурожаев, «от самосвершенной хлебной скудости» ушли они в Вятку, в Сибирь или «бродят по миру». Про некоторые деревни и вовсе записано, что они «пусты и лесом поросли».

И еще о лальских нищих. В шестьсот пятнадцатом году в дозорную книгу вятских городов был записан «нищей Пospelко Лалетин». Обретался Пospelко в Вятке, которая тогда называлась Хлыновым. Это, между прочим, первое письменное упоминание о жителе Лальска. Конечно, нищий это не воевода, не подъячий и не купец гостиной сотни, но дозорную книгу уже не перепишешь. Впрочем, со временем будет и среди лалетян купец гостиной сотни.

Вернемся к жителям Лальска. На протяжении всего семнадцатого века в писцовых книгах то и дело встречаем «а Васька и с братом Ларькою съехали в Сибирь для промыслу», «вдова Марфица Андреевская жена Икконникова сын ея Афонька съехал в Сибирь для промыслу», «Стенька Петров сын Норицын с братом Семейкою съехали в Сибирь для промыслу», «Митька Семенов с детьми с Ивашком да с Петрушкою сбтели в Сибирь...», сын Артюшки Васильева Лучка съехал в Сибирь для промысла, а Данилку Паламошного и вовсе в Сибири убили, и его двор стоит пуст. Каптелинку Саватееву ее дети Нефедко да Ивашко оставили одну с восьмилетним внучком Ивашкой, а сами съехали в Сибирь для промыслов. Это только небольшая часть записей писцовых книг по Лальску за шестьсот сорок шестой год.

Если исключить торговлю, то в Лальском погосте в семнадцатом веке, считай, не происходило ничего. В пятьдесят четвертом и пятьдесят пятом годах в России свирепствовала эпидемия чумы, и по этому случаю в Лальском погосте, как и везде, по указу патриарха Никона служили сорок служб в поминовение умерших и Божественную литургию. Постановили ежегодно в память избавления от морового поветрия в летние месяцы ходить крестным ходом к городским церквям по средам и пятницам, а вокруг погоста в девятое воскресенье после Пасхи. В шестьдесят шестом году сгорели тюрьма, церкви Николая Чудотворца, Благовещения Пресвятой Богородицы вместе с колокольной и церковь Фрола и Лавра. Вместе с церквями в остроге, который и без того еле стоял, сгорели без остатка трое проезжих ворот и восемь глухих башен. В этом же году, если судить по писцовым книгам, житель Лальского погоста «Стенька Никифров сын большой Норицын обнищал и обдолжал и сбтел в Сибирские городы». В шестьдесят седьмом году на месте сгоревших церквей построили две новых – церковь Благовещения Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца. К ним пристроили шестиугольную колокольню, на которую повесили восемь больших и малых колоколов. Простояли две церкви с

колокольней десять лет и снова сгорели. В том же семьдесят седьмом году Максимко Савин сын Жаравлев после пожара «сбрел в Сибирь в Тобольской город и живет в служивых», а Андрюшка Федотов сын Воронцов с детьми с Ивашком да с Якушком с Тишкой обнищали и обдолжали и сбродили безвестно», а жена Андрюшки Воронцова Ульяна «кормится в мире Христовым именем». В восемьдесят втором году в конце июля «по всей Устюжской провинции приключилась великая стужа, от коей позябли все полевые растения и выпало снегу на семь вершков». Вот и расти хлеб в тех местах, где в конце июля может выпасть снегу на три десятка сантиметров.

Через год, в конце мая, до Лальского погоста дошел царский указ «За разговоры и письма в городах про прежнее смутное время наказывать батоги или кнутом». Речь шла о стрелецком бунте, отшумевшем год назад. Где бунт, а где Лальск. Особенно в конце семнадцатого века. Разные планеты. Да и какая из Лальского погоста планета – астероид, не больше. Однако же по торговым трактам слухи расходились и разъезжались быстро. Что могла говорить о стрелецком бунте в Лальске жена пропавшего Андрюшки Воронцова Ульяна или Каптелинка Савватеева, которую ее дети оставили с восьмилетним внуком, а сами ушли в Сибирь, или бобыль Тимофей Сидоров, который «бродит меж двор»... Наверняка то же, что и сейчас. Они-де, там, в Москве, с жиру бесятся.

Мы, однако, отвлеклись. В сентябре девяносто шестого года указом Петра Первого велено было в Сибирь из России ездить через город Верхотурье. Еще при Борисе Годунове Верхотурье было местом, где купцы платили казенные пошлины. Указ Петра стал для Лальска бесценным подарком, поскольку путь в Сибирь теперь должен был пролегать через Лальский посад и дальше на Соликамск, Верхотурье, Тюмень и Тобольск, а длиной этот путь, если считать его от Москвы, был почти две тысячи четыреста верст. Был и другой путь – через Муром, Нижний, Вятку и Соликамск, но на дороге от Мурома до Соликамска могли запросто ограбить.

Как ни крути, а рассказ о Лальске все время сворачивает на торговлю. Уже сначала семнадцатого века, едва только закончилась Смута, предприимчивые жители Лальского погоста стали устраиваться приказчиками к устюжанам, торговавшим с английскими и голландскими купцами. Да и как не устроиться, если от Лальска до Устюга всего семьдесят верст. Летом это был путь по рекам, а зимой по проторенной дороге. Основную прибыль в этих торговых операциях приносили сибирские меха – соболя, горностаев, песцов, зайцев, бобров, куниц и белок. Белок, кстати, тогда было столько, что считали их тысячами, и стоили они во столько же раз дешевле соболей. Пушнину везли из Сибири в Устюг, куда приезжали иностранные купцы, через Лальск. Некоторые предприимчивые устюжане заранее выезжали в Лальск, чтобы опередить конкурентов и купить самый лучший товар по наиболее выгодной цене. Некоторым и выезжать не нужно было, поскольку это делали за них лальские приказчики. Впрочем, оборотистые лальчане торговали и сами, но на деньги, взятые займы у москвичей и устюжан. Лальские купцы регулярно ездили в Сибирь за пушным товаром. На торговле сибирскими соболями разбогатели уже в первой половине семнадцатого века лальские купцы Норицыны, Саватеевы, Бобровские, Паламошновы и Ворыпаевы. Ездили в Сибирь большими группами. К примеру, в шестьсот семьдесят восьмом году из Лальска отправились девять купцов с тридцатью проводниками на тридцати лошадях. В Лальске можно было и лошадей купить, что давало дополнительный доход местным торговцам, не говоря о кузнецах, которые подковывали этих лошадей.

Из Сибири привозили не только меха, но и слюду, хмель, выделанную оленью кожу, траву зверобой и каменное масло, оно же белое мумие, оно же бракшун, которое представляет собой самые обычные алюмокалиевые квасцы. Им и сейчас-то народные целители лечат все подряд, а уж в те времена и подавно. Надо понимать, что ездили купцы в Сибирь не столько с мешками денег, сколько с товарами для меновой торговли. Везли кожаные рукавицы, сукно, холст, пестрядь, сахар, ложки, вилки, складные ножи, виноградное красное вино, теплые шерстяные шляпы, кафтаны, вязаные чулки, колпаки, тюленьи шкуры, красные и черные яловые кожи. Красную медь и олово везли в слитках

или, как тогда говорили, «в деле». С одной стороны, конечно, семнадцатый век, дремучий лес от Лальска до самого Китая, грунтовые дороги, грязь непролазная, пыль столбом, трескучий мороз и в придорожных кустах лихие люди, норвящие ограбить торговый караван... а с другой стороны привезенный из Нового света через полмира сахар к чаю, который пил какой-нибудь тобольский или тюменский купец. С чаем было проще – его в Сибирь не надо было везти через полмира. Чай везли из Китая. Из Сибири через Лальск в европейскую часть Московского государства и дальше в Европу везли пушнину, а обратно в Китай шло то, чем богата была Россия. Только не надо думать, что проще всего сибирякам было торговать напрямую с Китаем и своих соболей обменивать на чай, фарфор, шелковые ткани, китайский жемчуг и самую черную в мире китайскую тушь. ~~Оно и сейчас, если не смотреть на сибирскую нефть и газ...~~ То есть, поначалу, оно так и было – русские купцы со своим товаром в Сибирь и далее в Китай, а оттуда... В списке имущества одного из лальских мещан Григория Басанова читаем «четыре конца китайки³ синей, два конца китайки белой, один конец китайки черной, четыре портища камки⁴ разных цветов, три фанзы⁵: одна белая, вторая лазоревая, третья лимонная, одна фата коноватка⁶, один аршин отласу китаиского, десять мотушек шелку китаиского... одна раковина морская, один доскан⁷ мамонтовы кости и крышка наложена серебром...».

При Петре Алексеевиче, свободная торговля с Китаем закончилась. Была установлена государственная монополия на «китайский торг». Заодно ввели государственную монополию и на торговлю соболями и чернобурой лисицей. Теперь купец мог отправиться в Китай только в составе казенного каравана. И такой купец в Лальске жил. Это был купец гостиной сотни Иван Прокофьевич Саватеев. В первый раз Саватеев побывал в Китае в составе первого российского торгового каравана в шестьсот девяносто девятом году. То есть караван в девяносто восьмом году вышел, потом год шел до Пекина, потом там все привезенное продал, закупил китайских товаров и еще год домой возвращался. В девяносто восьмом году жене Ивана Саватеева Екатерине было двадцать три, а сыну Ивану три года. Летом она выходила на Сибирский тракт и долго глядела из-под руки в ту сторону, где за тридевять земель лежал неведомый Китай, а зимой сидела у заметенного снегом слюдяного окошка и при свете сальной свечи в который раз перечитывала: «Еще хочу сообщить вам – дислокация наша протекает гладко, в обстановке братской общности и согласия. Идем себе по пескам⁸ и ни о чем не вздыхаем, кроме, как об вас, единственная и незабвенная Катерина Матвевна⁹. Так что вам зазря убиваться не советуем. Напрасное это занятие».

В семьсот втором году Иван Прокофьевич, которому тогда исполнилось тридцать восемь лет, царским указом был послан снова в Китай, но уже, если так можно сказать, каравановожатым. В указе¹⁰ Саватеев именовался уже не просто купцом, а «купчиной», и это в те времена совсем не означало его толщину. Караван в Китай собирали долго – несколько лет. Кроме мехов везли немецкие товары, прибывшие через Архангельск. Часть мехов нужно было забрать по пути, в Нерчинске. В караване были казенные целовальники, купеческие приказчики, московские, поморские и сибирские служилые люди, работные люди, которых было до двухсот человек, сто казаков охраны под командой гвардейского офицера, священники, кузнецы... Всего в караване было более восьмисот человек. Одних только начальников и священников было два десятка. И весь этот батальон нужно было в пути кормить, поить, лечить в случае нужды, держать в строгости, следить в оба глаза за товаром и каждый день идти и идти – из Лальска в Соликамск, из Соликамска в Верхотурье, из Верхотурья в Тюмень... и так до самого Пекина.

В Нерчинске, последнем русском городе на пути в Китай, все товары, включая частные и казенные, оценили, и оказалось, что их стоимость немногим более двухсот двадцати тысяч рублей. Только на дорогу из Нерчинска в Пекин у каравана ушло около пяти месяцев. В Пекине выяснилось, что аккурат перед приходом русского каравана прибыл прошедший через степь бухарский караван с обскими мехами. С руками русские товары никто не отрывал. Тем не менее все было продано или обменено, и назад караван

Саватеева, нагруженный китайскими товарами, двинулся уже другим, более коротким путем через Монголию и через каких-нибудь семьдесят дней достиг Иркутска. До Москвы Иван Прокофьевич добрался только в семьсот пятом году. Петр Алексеевич купчину Гостиной сотни Саватеева за успешный провод каравана в Китай и обратно наградил. Пожаловал ему серебряный позолоченный кубок с двуглавым орлом на крышке. По краям кубка было вычеканено: «Божиею милостию Великий Государь царь и Великий князь Петр Алексеевич и всея великия и малыя и белыя России самодержец пожаловал сим кубком весом в 3 ф. Китайского отпуска купчину гостиной сотни Ивана Прокопьева, сына Саватеева, за многорадетельную его службу, что он учинил в нашу Великаго Государя казну в покупке и продаже товаров прибыли 53796... Дан на Москве из Сибирскаго приказу лета от Р. Х. 1706 июля в 9».

Через два года Саватеев снова повел торговый караван в Китай по царскому указу. В семьсот десятом году, его караван достиг Иркутска, а еще через год снова прошел через Иркутск, но уже на обратном пути. Этот его караван принес казне чистой прибыли на двести двадцать три тысячи пятьсот рублей девятнадцать алтын и две деньги, что составляло примерно одну четырнадцатую всех государственных доходов в семьсот одиннадцатом году. И снова Саватеев был награжден. Кроме серебряного кубка весом в три килограмма царь Петр дал ему тысячу рублей жалованья. Еще и десять аршин материи по шести рублей аршин, еще и две пары соболей по сорока рублей. На память от того похода остался жить в доме Саватеева среди других его работных людей мальчик «мунгальской породы», которого Иван Прокофьевич привез из Китая или из Сибири.

Похоронили Ивана Прокофьевича в Лальске, на кладбище, которое когда-то было при Воскресенском соборе. При Екатерине Второй кладбища при церквях в уездных городах были запрещены, и то, на котором был похоронен Саватеев, пришло в запустение, а при советской власти его и вовсе раскопали, когда прокладывали водопровод. При строительстве натыкались на следы могил, но в которой из них был похоронен Иван Прокофьевич... Могилы, конечно, не воротись, но памятник Саватееву способствовал бы много к украшению Лальска. Стоял бы бронзовый Иван Прокофьевич на высоком постаменте, на берегу Лалы и указывал простертой рукой в направлении Китая, а у ног его поместить на барельефах фигурки навьюченных лошадей, верблюдов, лодки, на которых караван плыл по рекам, тюки с тканями, ящики с китайской тушью, мешки с чаем, фарфоровые чайники, чашки...

Ну, что толку мечтать о памятнике. Нет его и вряд ли будет. ~~Китайских товаров вокруг пруд пруди а памятника не будет.~~ Вот только заметим, что в Эрмитаже, в коллекции вещей Петра Первого сохранился шлафрок из голубой камки конца восемнадцатого века с орнаментом в виде виноградной лозы с гроздьями и зверьками. Как знать – может, эту самую голубую камку привез царю из города Пекина Иван Прокофьев сын Саватеев.

Да еще в фондах Лальского районного историко-краеведческого музея хранится старый, пришедший в негодность стихарь. Его несколько лет назад передали музею из лальского Воскресенского собора среди вороха других, пришедших в негодность церковных одежд. Вышиты на нем два изящных тонконогих журавля в золотом небе с синими тучами, красные цветы, листья... Только представьте себе гулкий и просторный собор, необъятных размеров дьякона с огромной бородой, который возглашает таким басом «Вонмем...» или «Покайтесь, вам скидка выйдет!», что у журавлей на его стихаре со страху подгибаются колени. Конечно, нет никаких доказательств того, что ткань для этого стихаря привез один из караванов, которые водил Саватеев. Нет и доказательств того, что кто-то из его родственников или даже он сам принесли в дар собору эту «парчу китайскую с орлами и травами», как значилось в описи, но думать так никто нам запретить не может.

Между тем, жизнь в Лальском погосте текла своим чередом. Событию такого масштаба, как посылка каравана в Китай, равного, конечно, не было, но... его заменила долгая и упорная тяжба с Сольвычегодском, к уезду которого был приписан Лальск, за то, чтобы получить налоговую независимость. Платить налоги и сборы вместе с

Сольвычегодском лальскому купечеству и посадским людям было невыгодно. Кроме того, хитрые сольвычегодцы часто и не в очередь выбирали жителей Лальска в уездные казенные службы, что последним совсем не нравилось. Лалетяне все посчитали до последней полушки и... за пять лет с шестьсот девяносто седьмого года по семьсот второй было вынесено четыре решения в пользу Сольвычегодска и три в пользу уезда и Лальска. Бывало, примет власть решение о том, что платит уезд и Лальск подати отдельно от Сольвычегодска, а через два месяца, после того как приедут из Лальска купцы с полными карманами челобитных и жалоб, сама свое решение и отменит.

В семьсотом году Иван Прокофьевич Саватеев между своими торговыми вояжами в Китай построил в пяти верстах от Лальска с разрешения властей «винокурную поварню», в которой было десять котлов и четыре перегонных куба. Оно и удобно. Ты идешь и идешь себе в Китай, потом торгуешь в Пекине, потом идешь и идешь обратно, а деньги из перегонного куба мало-помалу капаят.

В семьсот восьмом году всю Россию поделили на восемь губерний, и Лальск вместе с Сольвычегодским уездом отписали в Архангелогородскую. В семьсот десятом году, если судить по переписным книгам Сольвычегодского уезда, в Лальском погосте уже была «Церковь Воскресения Христова каменная с приделами и с папертью в недостройке и не освящена холодная. Другая церковь теплая Благовещения Пресвятыя Богородицы с приделом деревянная». Через год освящен первый каменный храм во имя Николая Чудотворца, а через четыре года, в семьсот пятнадцатом, строительство соборного храма Воскресения Христова было закончено. Впрочем, закончили только строительство, через два года освятили и потом долго его украшали, строили соборную колокольню, устанавливали на нее часы...

Не будем, однако, забегать вперед. В семьсот двенадцатом году житель лальского посада купец Иван Федорович Бобровский на свои средства построил каменный дом, в котором устроил воспитательный дом для подкидышей и богадельню для престарелых и убогих. Ничего особенного – воспитательный дом для подкидышей и сирот, однако в Москве государственный воспитательный дом появился только в царствование Екатерины второй – через полвека после лальского. Через два года после постройки дома Бобровский построил при нем каменную церковь и содержал ее и священнослужителей этой церкви за свой счет. До самой своей смерти и содержал – и воспитательный дом, и богадельню, и церковь.

Порой случалось удивительное. В Устюге летом пятнадцатого года при пожаре сгорела церковь Св. Симеона Столпника и прихожане Лальской Богоявленской церкви с разрешения архиепископа Великоустюжского и Тотемского Иосифа подарили устюжанам верхний этаж своей старой деревянной церкви – и этот второй этаж в разобранном виде сплавили по реке Лале в реку Лузу, а из Лузы в Юг и так привели свой подарок в Устюг.

В семнадцатом году освятили в Воскресенском соборе главный престол Воскресения Христова, устроили и освятили в нем же престол Св. Апостолов Петра и Павла и... продолжали писать в переписных книгах: «Леонтий Норицын с сыном Григорьем в 713 году сошли в сибирские города, мати его Леонтьева Парасковья и жена Елисавета скитаются в мире, а дочь Анна отдана замуж...», «калмык Иван Никифоров в 714 году сошел в сибирские города, а жена его Дарья с сыном Федором скитаются в мире...». Правду говоря, нет повести печальнее на свете, чем эти переписные книги – длинной вереницей бредут по их страницам нищие вдовы, бобыли, мужики, уходят от хлебной скудости в сибирские города, скитаются в миру и питаются Христовым именем оставшиеся бабы и детишки. По переписи семьсот девятнадцатого года в Лальском погосте проживало пятьсот пять человек. Нищих была треть.

В семьсот двадцать шестом году Лальск указом был переведен из погоста в посад. «Высокий Сенат приказали, по доношению и мнению главного Магистрата, Архангелогородской губернии Устюжской провинции Лальскому погосту... по купечеству и мастерствам – быть особливым посадом и как их, так и тем, которые по торгам приписаны

к тому посаду, с черносошными не числить и из двойного окладу, что они на полки с черносошными, и по купечеству с посадскими написаны выключить, а платить им подушные деньги только с посадскими». Дорогостоящее это «с черносошными не числить». При этом Лальск забрали у Сольвычегодска и подчинили Великому Устюгу.

Правду говоря, насчет мастерства Магистрат Устюжской провинции Лальску польстил, поскольку ремесленников (в отличие, скажем, от Великого Устюга), кроме тех, которые были нужны для обслуживания проходящих мимо по Сибирскому тракту купцов с товарами, в новорожденном посаде по-прежнему было мало. Да еще и за четыре года до этого часть плотников вместе с семьями забрали на строительство новой столицы. Плотники, конечно, не горели желанием ехать, но власти обещали им на новом месте дома, огороды, а по прибытии в Петербург по два рубля денег и по три четверти муки на семью.

Осенью двадцать шестого года в сентябре и в октябре Лальский посад горел. Пожар был такой силы, что сгорела кровля у каменной главы Воскресенского собора, деревянный шатер у колокольни и в шатре часы. От нестерпимого жара расплавились два колокола, а третий упал и разбился. Сгорела казенная церковная коробка, в которой хранились документы на владение церковными землями, приходные и расходные книги, свечные деньги... Земский староста Данила Бобровский писал в донесении Лальской Ратуше: «сгорело дворов и амбаров и лавок со всякими домовыми пожитки многое число и от того пожарного разорения многие посадские люди оскудели и пришли во всеконечное разорение». Тут, как на грех, пришло время сдавать рекрутские деньги, а откуда они у погорельцев... Власти, впрочем, на пожар скидок не делали, и некоторым жителям посада, не имеющим необходимой суммы в сто рублей, которую полагалось уплатить за рекрута, пришлось постоять на правее¹¹, а потом еще и посидеть в земской избе под караулом.

В феврале семьсот двадцать седьмого года Лальская Ратуша уплатила в Камерирскую контору Устюжской провинции триста пятьдесят четыре рубля сорок копеек и одну полушку, собранных в Лальском посаде денег на строительство в Москве Триумфальной арки по случаю коронации Петра Второго.

И снова... Земский староста пишет в Лальскую Ратушу, что из лальских жителей в двадцать восьмом году в Сибирскую губернию «от самосвершенной хлебной скудости» ушло четырнадцать человек, а до переписи девятнадцатого года и еще сорок три. В этом же году власти отменили сбор с идущих в Сибирь. Как говорил гоголевский Иван Иванович: «Ну, ступай же с богом. Чего же ты стоишь? Ведь я тебя не бью!»

Через год вдруг обострился застарелый конфликт между Усольской и Устюжской провинциальными канцеляриями. Снова заспорили о том, к какой из канцелярий будет приписан Лальск. Дошло до того, что из Великого Устюга в Лальскую Ратушу пришел указ о том, чтобы «от Усольской Канцелярии присланных указов не принимать и отправление по ним не чинить и посланных не впускать». В Великом Устюге заранее подстраховались и к своему указу приложили указы Сената и главного Магистрата Архангелогородской губернской канцелярии. И сами Лальские власти в том же году подали прошение о переводе их в ведомство Устюжской канцелярии, мотивируя это тем, что Сольвычегодск от Лальска отстоит куда дальше, чем Великий Устюг. В тридцатом году снова пришел указ Сената о прикреплении Лальска к Великому Устюгу и... переписка между Великим Устюгом, Сольвычегодском, Архангельском, Петербургом и Лальском продлилась еще на девять лет. Бедный в самом прямом смысле этого слова Сольвычегодск сопротивлялся изо всех сил – малочисленному и небогатому тамошнему купечеству и посадским людям ни за что не хотелось терять доли лальских денег в и без того дырявом бюджете Усольской провинции, и потому челобитчики продолжали приносить челобитные, секретари их принимали и обещали помочь, выразительно при этом глядя в потолок или барабаня пальцами по столу, письмоводители письмоводили, и все были при деле.

Только в семьсот тридцать девятом году Правительствующий Сенат указом определил Лальскому посаду быть особым посадом под ведомством Великоустюжской провинциальной канцелярии, а платить подати и отбывать службы от Усольцев отдельно.

Первый летописец Лальска Иван Степанович Пономарев, городской голова и городской староста на рубеже позапрошлого и прошлого веков, в книге «Материалы к истории города Лальска Вологодской губернии» аккуратно выписал цены на продукты питания и вещи в семьсот тридцать восьмом году. Эти цены мало что говорят обычному неподготовленному читателю, поскольку их надо сравнивать с покупательной способностью тогдашнего рубля, учитывать достаток купцов, мещан, крестьян, удаленность от крупных торговых центров, инфляцию... Бог знает с чем еще их надо сравнивать и что учитывать, но современному читателю, даже если он не подготовлен, приятно представлять себя покупающим на рынке Лальска пудового осетра за каких-нибудь семьдесят пять копеек или пуд икры за рубль тридцать или пуд лука за гривенник. Пуд изюма стоил рубль шестьдесят, за пуд палтуса просили полтинник, а за пуд сухой трески нужно было отдать двадцать четыре копейки. Пуд соленой трески стоил на шесть копеек дешевле. Стопа писчей бумаги – рубль двадцать, башмаки – гривенник (какого качества были эти башмаки, остается только гадать), овчинный кафтан – полтинник, шелковый платок – двугривенный, дюжина столовых ножей с вилками – полтинник, десяток пар варежек – четвертак, шкурка выдры – рубль, вязанный колпак – две копейки, за сотню соленых огурцов просили пятиалтынный, вязанные на пяти спицах чулки (их называли панскими) стоили гривенник за пару. Быка или корову можно было купить не дороже четырех рублей, а цены на лошадей начинались там, где цены на коров заканчивались и поднимались почти до двух десятков рублей. Яблоки стоили дорого – пуд яблок стоил почти столько же, сколько пуд сухой трески. И то сказать – они в Лальске до сих пор привозные. Уж больно суровые в Лальске зимы – вымерзают яблони, как их ни укутывай. За проезд из Лальска в Устюг платили зимой от тридцати до пятидесяти копеек с подводы. Придет читатель домой, нагруженный воображаемыми огромным осетром, икрой, пудом изюма, сухой трески, обутый в башмаки за гривенник и колпак за две копейки, с кучей соленых огурцов... а у него на карте Сбербанка еще тысяч сто или даже сто пятьдесят осталось.

Мы, однако, отвлеклись. Надо сказать хотя бы несколько слов о промышленности Лальска в первой половине восемнадцатого века, тем более что для нее хватит и нескольких. Кроме винокуренных поварен Ивана Прокофьевича Саватеева и Данилы Ивановича Бобровского были в посаде три кожевенных завода, которыми владели местные купцы Яков Аврамов, Леонтий Бобровский и Осип Свиньин. Выделывали они в год до девятисот юфтей. Бобровский и Саватеев, кроме того, что поставляли вино в другие города, в семьсот тридцать девятом году поставили на Лальский кружечный двор по пятьсот ведер вина каждый. Это выходит почти по два ведра вина на каждого жителя Лальского посада. Впрочем, если добавить к этим жителям проезжающих по Сибирскому тракту, то получится, наверное, не так уж и много. Может, даже и не будет хватать.

Понемногу Лальск богател. В семьсот сороковом году в посаде открылось Малое духовное училище. Принимались туда дети духовенства в возрасте от семи до пятнадцати лет. Алгебру с геометрией там не преподавали, но чтению, письму и пению по нотам научиться было можно. Тех, кто подавал надежды, посылали в Великий Устюг – держать экзамен в тамошнюю семинарию, а тех, кто не подавал... не посылали. Кстати, о богатстве. В том же сороковом году жители Лальска просили Устюжскую Провинциальную Канцелярию прислать им для охранения от воровских людей военную команду. Впрочем, это может свидетельствовать не столько о богатстве Лальска, сколько о расплодившихся воровских шайках в тамошних дремучих лесах.

Каких-то выдающихся событий в истории Лальска в те годы не случилось. Да и обычных событий... Вот разве что оттепель в ноябре сорок первого года была такой сильной, что начался ледоход на реках, да еще лальские купцы Александр Саватеев и Данила Бобровский поставили на местный кружечный двор в общей сложности три с половиной тысячи ведер вина. Должно быть редкий купец, проезжавший через Лальск в

Сибирь или, наоборот, из Сибири, не мучался на следующее утро с похмелья и не держался руками за больную голову, подпрыгивая в своей кибитке на ухабах Сибирского тракта.

Впрочем, было в середине восемнадцатого века событие в истории Лальска выдающееся по нынешним меркам, а тогда самое обычное. В пятидесятых годах все подати за бедных граждан Лальского посада уплачивали два купца – Иван Федорович Бобровский и Кондрат Никитович Пономарев. Только представьте себе на минуту, что все налоги за бедных граждан, к примеру, Москвы или Вологды или Костромы, уплачивают ~~Сечин или Миллер или братья Рот...~~ богатые московские или вологодские или костромские купцы. Ну, хорошо, пусть не Москвы и Вологды. Пусть Кинешмы. Пусть хотя бы Лальска. Представили? Вот и у меня не получается.

В шестидесятом году власти разрешили всем без ограничений покупать из казны ремень по сто рублей за пуд. Целебный корень ревеня в восемнадцатом веке был экспортным товаром – его везли из Китая в Россию, а из России в Европу. Через Лальск проходили сотни пудов этого ценного лекарственного сырья, но торговать им имело право только государство. Еще в начале пятидесятых годов одного из предприимчивых лальских жителей взяли за торговлю ременем в Верхотурье и в кандалах привели в Устюгскую Провинциальную Канцелярию. Привели, а не привезли. От Верхотурья до Великого Устюга, между прочим, больше тысячи верст.

Через год в Лальске случилось удивительное – купец Никифор Дмитриевич Захаров нашел клад из старинных серебряных копеек и честно сдал его в казну до копейки. За что и получил шестьсот с лишним рублей вознаграждения из монетной конторы. На эти деньги он купил для Лальской Спасской церкви колокол весом без малого в тонну.

К началу шестидесятых годов Лальск не то чтобы перестал процветать, но... что-то в механизме его процветания начало скрежетать. Паспортов на отлучки в Сибирь по торговым делам и для проведения различных работ было выдано лальским купцам не так уж и много – тридцать семь. В Москву выдано всего три паспорта, а в Архангельск и вовсе один. К середине восемнадцатого века государственная караванная торговля с Китаем была признана невыгодной, и торговля перешла в руки частных лиц. Увы, это была только часть беды, и к тому же самая малая ее часть. Настоящая беда была в том, что основной торговый путь в Сибирь и далее в Китай перестал проходить через Лальск. Теперь он шел южнее – через Вятку и Казань. Те лальские купцы, у которых к тому времени были налаженные связи с сибирскими городами, еще продолжали торговать, но... В шестидесятых годах в Лальском посаде числилось около ста сорока жителей купеческого звания, а в начале девяностых – всего сорок.

Ну, до девяностых мы еще доберемся. Пока, в начале шестидесятых, купец Дмитрий Бобровский, внук Ивана Федоровича Бобровского, того самого, который построил на свои деньги в Лальске воспитательный дом и богадельню, отказался ее содержать за неимением к тому средств. Богадельню на произвол судьбы не бросили – договорились содержать ее всем миром – с купцов собирать по десять рублей в год, а с мещан – по пять.

В шестьдесят третьем случился очередной пожар, в результате которого обгорела соборная колокольня. Через два года ее привели в порядок и даже установили на ней башенные часы работы местного мастера Николая Попова. Часы были замечательные – с боем, который был слышен во всей округе, и показывали не только часы с минутами, но даже восход и заход солнца и фазы луны. Тот ярус колокольни, на котором были установлены часы, в сильные холода отапливался. На часовом валу, как сообщает Иван Степанович Пономарев, имелась надпись «1765 г. сии часы построены старанием и иждивением Лальским посадским Иваном Рысевым и всего гражданства. Работал того же посаду Nikolai Rorov». Да, именно так и написано ~~иностранец Василий Федоров Nikolai Rorov~~. Теперь от часов, сработанных Николаем Поповым, и следа не осталось. Говорят, что к тридцатым годам двадцатого века они износились совсем, а починить их никто не мог. Да и время тогда было такое, что на колокольнях часов не чинили. В тридцать пятом году на колокольне устроили парашютную вышку. Часы при этом исчезли. Теперь вместо часовых

циферблатов на колокольне заржавевшие до черноты круги, вырезанные из кровельного железа. В музее мне сказали, что какие-то части часов работы Николая Попова теперь находятся в краеведческом музее Сыктывкара. Сначала они попали в один из местных храмов, а оттуда в середине тридцатых годов прошлого века их перевезли в музей. Как они попали в Сыктывкар, мне рассказать не смогли¹². На саму колокольню уже не подняться – внутри провалился один из пролетов. Только бесстрашные мальчишки каким-то образом пробираются на самый верх колокольни, хотя и достается им потом... если, конечно, дознаются родители.

Вернемся в Лальск середины восемнадцатого века. В марте шестьдесят седьмого в Лальск «послано из уродившихся в Сольвычегодске земляных яблоков “потетес” 10 фунтов для раздачи здешним купцам, имеющим деревенские владения, с возвратом этого количества из урожая текущего года». Про «урожай текущего года» сведений до нас не дошло. Неизвестно даже, сажали ли эти земляные яблоки, или купцы посмотрели на них, посмотрели, понюхали да и скормили скотине. В семьдесят первом году в посаде была учреждена Питейная Контора. Делами этой конторы ведала ратуша. Все привозимое в Лальск вино пробовалось ратушей и поверенным от короны. Кто из ратушных чиновников производил пробу вино – теперь доподлинно неизвестно, но трезвых в этот день... и на следующий тоже.

В семьдесят четвертом году, после того как Пугачева разбили под Казанью, Архангелогородские губернские власти, опасаясь появления отрядов Пугачева, указом повелели всем местным властям усилить бдительность и убеждать жителей оказывать бунтовщику и самозванцу сопротивление. На всякий случай Лальская ратуша взяла расписку у каждого жителя в том, что он никуда не отлучится из посада «ниже на самое короткое время». Меры предосторожности включали в себя наблюдение за всеми приезжающими и приходящими. Тех, кто паспорта не имел или, паче чаяния, смущал народ разными разговорами, велено было отправлять под стражей в Устюжскую канцелярию. Подготовились, что и говорить, основательно. Вот только ни пугачевские шайки, ни сам атаман в эти края, отстоявшие от мест боевых действий почти на тысячу верст, так и не дошли. Впрочем, и не собирались.

Мало-помалу Лальск... нет, пока он еще не захирел, но и процветающим его уже назвать было сложно. В семьдесят седьмом году в Лальске был всего один купец первой гильдии – Иван Тимофеевич Юрьев, объявивший капитал в восемнадцать тысяч рублей. Юрьев, у которого одних доверенных лиц было шестеро, торговал по всей Сибири до самой Кяхты на китайской границе. Купцов второй гильдии – трое, один из которых, Василий Александрович Саватеев, был потомком Ивана Прокофьевича Саватеева. Капиталов у этих троих вместе взятых было меньше, чем у одного Юрьева. В третью гильдию записалось двадцать пять купцов. Самый богатый объявил капитал в тысячу рублей, а у всех остальных и того меньше. Один Иван Прокофьевич Саватеев мог по части капиталов заткнуть за пояс все лальское купечество, а со времени его сибирских караванов прошло всего семьдесят лет. Вот в эти самые семьдесят лет и уместился золотой век Лальска.

Между тем жизнь в Лальске продолжалась. В том же семьдесят седьмом году на деньги местного купечества Воскресенский собор оштукатурили внутри, расписали и лепные орнаменты покрыли позолотой. Соборный протоиерей Матвей Швецов, под руководством которого проводились эти работы, описал все строительных работы в стихотворении, которое назвал «В потомки для сведения записка».

Вообще же купцы Лальского посада были очень богобоязненны. К примеру, в смете расходов посада за семьдесят седьмой год десять рублей приходится на ладан и свечи для Воскресенского собора. Еще десять с лишним рублей отнесены на «Неугасимую лампаду Спасителю», а вот «на поправку дороги» вокруг Лальска – всего пятнадцать копеек¹³. Или, скажем, приезжал в Лальск по случаю выборов Головы Устюжский воевода князь Енгальчев. Только на его прием мещане Лальска (помимо купцов) истратили пятнадцать рублей. Еще столько же дали сопровождавшим его двум солдатам и дворецкому. И

напрасно, потому что меньше чем через два года князя «за остановку в Устюг питейных сборов и за разные подложности, неисполнения и неисправности» уволят от должности по распоряжению Архангелогородского губернатора.

В семьдесят девятом году наконец-то Лальск стал городом и даже центром одноименного уезда. В июне Ярославский и Костромской генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов прибыл в Лальский посад и объявил его городом. Лальский уезд открыли через три месяца после того, как сам Лальск стал городом – в конце сентября. Буквально через две недели утвердили и городской герб – две шкуры куницы в золотом поле «в знак того, что сего города жители производят значительный торг мягкой рухлядью».

Первым Лальским городничим был премьер-майор Александр Фонделден, а исправником секунд-майор Филипп Косилов. На день превращения Лальска из посада в город в нем числилось четыреста тридцать пять душ мужского пола – меньше чем в сорок седьмом году на сто семь душ, а всего почти тысяча душ. Нельзя сказать, чтобы Лальск был большим уездным городом – в нем было четырнадцать улиц и двести шестьдесят четыре дома. На центральной Большой улице стояло два десятка домов. Еще питейная контора и два питейных дома, еще сорок три лавки, еще четыре кузницы, еще два казенных соляных амбара, еще две каменные кладовые купцов Василия Саватеева и Кондрата Пономарева, еще купеческие и мещанские амбары, еще собаки, еще бродящие по заросшим травой немощеным улицам куры, свиньи и еще такая тоска, какая бывает в маленьких русских уездных городах, когда жизнь из них уходит, а жители еще остаются.

Тогда же Лальск, уже в новом городском качестве, поставил в Санкт-Петербург четырнадцать лошадей с ямщиками для путешествия Екатерины Второй из столицы в Смоленск и обратно. Содержать лошадей и ямщиков должен был Лальск. При этом было отдельно указано, «чтобы ямщики были не старые, не малолетние, не пьяницы и не в гнусной одежде».

Теперь уж и не сказать, какими особенными талантами обладал первый лальский городничий, так как при нем Лальск продолжил понемногу хиреть, но Александр Ефимович Фонделден, хотя и дослужился лишь до премьер-майора, без сомнения был натурой тонкой, чувствительной и художественно одаренной. Вот его донесение Вологодскому наместническому правлению о случившейся в июне восемьдесят первого года буре: «...над городом Лальским и в окружности его, Божиим благоволением учинилось праведное посещение Господне сицевое вышеозначенного числа пополудни в первом часу, начали сходиться на воздухе престрашные и зело темные и з белыми — столпами и з зелеными виды две грозные тучи; одна с западную а другую сполуденную страну, и по совокуплении шли на север с таковою превеликою бурей, что у многих домов кровли раскрывало, также заплоты, а наипаче огороды поломило когда оные тучи шли, тогда непрестанно чрезвычайная молния блистала и по всему воздуху растворялся блистающийся огонь так, что все строение и земля аки бы пламенем горели в тоже самое время с презельным вихрем, ледяным градом, у святой церкви Собора, у окон разбило очюнь много стекляных звений; которой град был величиною с ореха большаго и куричную яичную желтью: такожде; в городе в огородах овощи повредило, и оной град с неба, столь сильно падал что немалые его крупницы, твердое деревянное здание изпятнало, а гнилое разбивало и тогда страх на всех людех был, что за необычайным по воздуху непрестанно разливающимся огнем и громом, также и запредельною бурей и градом, в городе никто не осмелился из дворов вытйти; а всяк в отчаянии жизни, которая гроза продолжалась два часа, и стала утихать, а по прошествии той сильной тучи, сего Июня 21 числа здешнем Соборе после Литургии, в соборе при собрании всех жителей, был благодарной молебен; что Всещедрый Бог свой гнев пронес, о чем в Вологодское Наместническое Правление для ведома донести имеем». Случись, не приведи Господь, сейчас такая буря – разве написал бы глава администрации Лальского городского поселения такой рапорт своему районному начальству? Написал бы о белых и зеленых престрашных небесных столпах, о растворенном в воздухе блистающем

огне? Написал бы о квадратных метрах, о стройматериалах и десятках тысяч рублей потребных на восстановление разрушенного, которых ему все одно не дали бы. Да что глава администрации... Можно подумать, что теперь можно найти таких премьер-майоров или хотя бы просто майоров...

Увы, приходилось лальскому городничему заниматься делами совершенно прозаическими – то исполнять указ «об обсаживании дорог деревьями», то отводить землю под городские выгоны, то готовиться к объявленной Высочайшим манифестом ревизии восемьдесят второго года. Что же до городской жизни Лальска последних двух десятилетий восемнадцатого века, то стороннему наблюдателю она представится лишенной каких бы то ни было заметных событий, но если посмотреть на нее хотя бы через простое увеличительное стекло, не говоря о микроскопе, то обнаружится большое количество событий мелких и даже мельчайших. К примеру, учредили при церквях кружки для сбора в пользу городской богадельни. Мелочь из этих кружек высыпали в присутствии городского головы и тотчас же отправляли в богадельню. В богадельню, между прочим, стали принимать крестьянских детей Лальского уезда на счет Приказа Общественного Призрения. Появился ночной караул на колокольне Воскресенского собора, который в случае пожара, начинал звонить во все колокола. Вообще тратили городские власти на городскую богадельню немного – в семьсот восемьдесят втором году всего двадцать три без копейки рубля. Из них на дрова два с лишним рубля, на питание и одежду призреваемым и младенцам – двадцать с полтиной рублей и на погребение младенцев – пятнадцать копеек. Ровно столько, сколько пять лет назад истратили на ремонт дороги вокруг Лальска, в то время как на неугасимую лампаду... Между тем, в богадельню в восемьдесят шестом году было принято пятнадцать младенцев, а умерло их в том же году шестнадцать. Ничего удивительного при таких-то расходах на одежду и пропитание призреваемых младенцев. Правда, в восемьдесят девятом лальский купец Афанасий Максимов принес в городскую Думу пятьсот рублей, которые завещала на содержание Лальской богадельни его покойная сестра Татьяна Юрьева.

Осенью восемьдесят второго года «После бесперывных в ноябре месяце дождей, в начале декабря, сделался такой мороз что люди, скот и птицы замерзали, а равно и озимь по причине бесснежной долго зимы повредилась. И после такой нечаянной и крутой перемены сделалась общая простудная лихорадка». Запретили, согласно указу, хоронить покойников при городских церквях, а для кладбища отвели место за городом. Это место окропили святой водой и водрузили на нем Св. Животворящий крест.

Из событий не просто мелких, но мельчайших. Стали выписывать во все городские присутственные места по одному экземпляру Московских Ведомостей. В восемьдесят шестом году по предложению городничего в Лальске ввели нумерацию домов. Горожане обратились с просьбой к городничему, чтобы тот разрешил домовладельцам самим чистить дымовые трубы, а трех трубочистов, которых общество должно было содержать на свой счет, уволить. Просили потому, что город маленький, расходы на городское хозяйство велики и с каждым годом все больше, а доходы... Фонделден просьбу горожан не удовлетворил, но разрешил вместо трех трубочистов иметь двух. На этом история с трубочистами не закончилась. Через два года упорные горожане попросили городничего возложить обязанности городских трубочистов на полицейских десятских, которых в Лальске было целых тринадцать. Городничий милостиво согласился и тогда благодарное общество поднесло ему десять рублей.

Среди событий мельчайших затесалось одно совершенно микроскопическое – в восемьдесят восьмом году посланный от Лальска для обучения в Холмогорскую мореходную семинарию мещанин Федор Бобровский был возвращен домой «за непонятием наук». Хотя документов на этот счет не сохранилось никаких, можно предполагать, что бедного Федора дома высекли и решили направить по торговой части¹⁴.

Кстати, скажем и о науках. В самом Лальске, кроме как в Малом духовном училище, нигде было учиться, но и в него родители не хотели отдавать своих детей. До такой степени

не хотели, что генерал-губернатор Ярославский и Вологодский Петр Васильевич Лопухин, когда был в Лальске в девяносто четвертом году, усмотрел в этом нежелании лальчан «закоснелое упорство и невежество», а кроме того, «неблагодарность их пред Ее Императорским Величеством пекущейся о просвещении народа», и рекомендовал городничему и городскому голове уговаривать жителей отдавать своих в обучение. Еще за шесть лет до приезда генерал-губернатора городничий просил городскую Думу обязать подпиской жителей города не обучать детей дома, а отдавать в училище, но Дума отказалась от такой меры, поскольку не знала, как «сие распоряжение принадлежит по полицейской части».

Нельзя сказать, что городские власти об училище не заботилось. Ему ассигновали сто десять рублей в год, но родители все равно не желали отдавать детей в обучение «по неприлежности и нерадению к учению учителя Смирнова». То ли он беспрестанно нюхал табак, то ли пил, то ли бил детей по рукам линейкой, то ли посылал их в мелочную лавку за табаком и водкой, то ли делал все это вместе. В конце концов, после приезда генерал-губернатора, Смирнова уволили и на его место назначили учителя из Сольвычегодска Мудрова. Назначение нового учителя, быть может, и помогло бы, но... через три года после его назначения городское общество постановило по неимению городских доходов, по «скудости мещанства» и по малочисленности купечества просить власти перевести лальское училище в другой город или принять его содержание на счет Приказа общественного призрения. Через год училище закрыли, а учителя Мудрова перевели в Сольвычегодск. Когда закрывали училище, то в нем оказалось полтора десятка учеников.

Зато без трактира Лальск не обошелся. На запрос Наместнического правления о том, «сколько в здешнем городе пристойно и должно состоять трактиров», общество отвечало, что хватит одного или двух. При том, что в городе уже имелся трактир питейного откупщика Пашкова, в котором можно было купить водки, виноградного вина, английского пива, легкого полпива, кофе, чаю, шоколаду и разрешалось курить табак.

В семьсот девяностом горожане Лальска «по случаю прихождения многих домов в городе, особенно крыш на них, в ветхость» обратились к Вологодскому генерал-губернатору с просьбой разрешить им для ремонта использовать запрещенный топорный тес. Его еще Петр Алексеевич запретил использовать, поскольку отходов от использования такой, с позволения сказать, технологии было куда больше, чем собственно продукции. Аргументов в пользу топорного теса жители Лальска нашли несколько – и пильных мельниц у них нет, и ближайшая мельница в трехстах верстах от Лальска, и пилами никто не умеет пользоваться, и самое главное – «в здешней стороне такое состоит большое лесное излишество, против прочих мест, что никогда их прирубить, или иметь когда-либо в них оскудение не можно...». Вот это никогда и наступило через двести с небольшим лет. Кончилось излишество. Прирубили и оскудели. Лесовозы из Лальска в Лузу идут и идут, а из Лузы по железной дороге идут и идут поезда с лесом. И кабы везли только толстые бревна – везут и тонкие, диаметром едва десятка два сантиметра, а то и меньше.

Генерал-губернатор отказал лальчанам в их просьбе. Дело в том, что отремонтировать дома, построенные не по утвержденному плану города (а многие дома именно так и были построены) он разрешить не может, а что касается использования топорных досок вместо пильных из-за того, что поблизости нет лесопилок – так это и вовсе «не может быть принято ни в малейшее уважение». Пилите ручными пилами – посоветовало начальство.

Насчет скудости мещанства и малочисленности купечества лальчане не обманывали. В девяносто четвертом году была проведена ревизия, и оказалось, что в Лальске осталось всего тридцать два купца мужского пола и двадцать шесть женского. По сравнению с первой половиной века... Нечего и говорить о первой половине века.

По скудости городского мещанства и купечества решили строить не каменный, а деревянный гостиный двор взамен обветшавших лавок. Городская Дума просила у губернатора на это разрешение.

В девяностом году ни с того ни с сего случилось единственное в истории Лальска землетрясение. В описи Воскресенского собора об этом событии сказано: «Мая с 24 на 25 число по полуночи в 4 часу трясение или колебание земли здесь в г. Лальске весьма чувствуемо было; кратко, а сильно; так аки бы волнами от запада к востоку провоздало, на подобие волн землю колебало». Надо думать, что большинство лальчан это землетрясение просто проспало.

В том же году купец Афанасий Максимов объявил городской Думе, что его покойная сестра Татьяна Юрьева, та самая, что завещала пятьсот рублей местной богадельне, передала ему перед смертью тысячу рублей на постройку на городском кладбище каменной церкви во имя Успения Божией Матери. Из этих денег он уже истратил четыреста рублей на кирпич и камень, но полагает, что оставшейся суммы будет недостаточно для строительства церкви и просил городские власти привлечь пожертвования крестьян окрестных сел и деревень, состоящих в приходах лальских городских церквей. Деньги собрали, церковь построили, и до сих пор она стоит на городском кладбище.

При всей ограниченности средств в девяносто втором году все же смогли сделать деревянную мостовую из брусьев длиной почти в шестьсот сажений или в тысячу триста метров. Причем делали мостовую вскладчину все домовладельцы: крестьяне – тридцать сажений, духовенство – тридцать пять сажений, чиновники и военные – двадцать четыре сажени, а все остальное пришлось на долю купцов и мещан.

Многие лальские мещане и купцы, хотя и были по своему статусу горожанами, предпочитали жить в уездных деревнях, чтобы как можно меньше принимать участия в общественных городских делах и тем более на них тратиться. По повесткам лальской городской Думы они тоже являться не спешили. В связи с этим Наместническое Правление просило Лальский земский суд выслать в Лальск всех проживавших в уезде мещан и купцов. Выслать в город из деревни... Советским колхозникам такое и в самом сладком сне не приснилось бы.

И снова события, которые нужно рассматривать в микроскоп. В девяносто первом году начальник лальской воинской команды прапорщик Дерунов написал донос на городничего. Будто бы городничий чинит жителям города разного рода притеснения. Городничий в ответ испросил у жителей города то, что сейчас назвали бы вотумом доверия. Не просто так, а чтобы с этим вотумом в руках идти к вышестоящему начальству, то есть к самому генерал-губернатору Кашкину. Лальское городское общество в этом вотуме, который тогда назывался приговором, сообщало генерал-губернатору, «что здешний г. Городничий с самого вступления его в должность, 19 Сентября 1780. г., со всяким доброхотством и человеколюбием к гражданству, как долг кроткого и снисходительного начальника зависит, и обид ниже кому либо из частных людей во все его здесь событие не происходило... и под начальством какового добронравного градоправителя и впредь быть все единогласно желаем... что же касается до г. прапорщика Дерунова, здешним обывателями кроме обид и всякого недоброхотства, каковы сначала его здесь нахождения все и описать невозможно, никаких порядочных свойств не видится». Генерал-губернатор, получив от лальской Думы такую бумагу, высказался в том смысле, что Дума не имеет права одобрять или порицать действия правительственных чиновников. Ждали приезда самого Кашкина в Лальск и даже стали собирать деньги на его прием. Решили собрать двести рублей, из которых купечество должно было дать сто тридцать, а остальные семьдесят мещанство, но Кашкин не приехал, и чем кончилась ссора между городничим и начальником воинской команды, неизвестно. Зато известно, что городская Дума, беспокоясь о том, что в Лальске мало ремесленников, предложила мещанскому обществу послать в Архангельск или другой город для обучения трех мальчиков. Мещане города Лальска выбрали Ивана и Григория Норицыных и Виссариона Шемякина, о которых всему городу известно было, что они «праздношатающиеся». Кончилось все тем, что родители их не отпустили. Еще известно, что на общем собрании лальских мещан Ивана Гузнищевского по приговору Вологодской Уголовной палаты городничий наказал плетью за просрочку

паспорта и оштрафовал на шесть рублей за небытие у исповеди в течении трех лет. Еще известно, что на должность городского лекаря определен отставной штаб-лекарь Игнациус, который и не думал приезжать в этот медвежий угол – штаб-лекарь жил себе в Великом Устюге, а в Лальск должен был приезжать по требованию.

В девяносто шестом году Лальский уезд упразднили, и город Лальск по Высочайшему указу в одночасье превратился в посад, приписанный к Устюжскому уезду. Упразднили Сиротский суд, Уездное казначейство, Духовное управление, Нижний Земский суд, должность городничего, уездного стряпчего, винного и соляного приставов... Проще назвать то, что не упразднили. Оставили Лальскому посаду Городскую Думу, городской Магистрат превратили в Ратушу и в ней разрешили иметь бургомистра и двух ратманов. Да при Ратуше Словесный Суд. Всего семнадцать лет Лальск был уездным городом. Через два года Лальск по именному указу Правительствующего Сената снова стал городом, но лишь заштатным.

И снова началась в Лальске обычная городская жизнь, наполненная обычными городскими событиями. Сотского Селиверста Захарова «за пьянство, дебоширство и нерачительное исполнение своей должности» переименовали в десятские. Мещанина Ивана Паламошнова послали в Москву с тем, чтобы он купил там новый соборный колокол вместо разбитого, весом в сорок один пуд.

Губернатор просил городского голову «из единого любопытства» иметь сведения о том, сколько в городе купцов, на какую сумму они торгуют, на наличные или в кредит, как велик кредит по сравнению с объявленным капиталом, и прочие скучные финансовые подробности. Любопытный был губернатор, что и говорить. Городской голова спросил купечество, а то отвечало, что купец первой гильдии в городе всего один – Василий Александров Саватеев с сыном. Объявленного капитала у него немногим более шестнадцати тысяч рублей. Торгует он через Архангельский порт мукой, поташом, говяжьим салом, льняным семенем, ячменем и рогожами на сумму в сорок две тысячи с половиной рублей и для своей торговли пользуется заморским иностранным кредитом. Второй гильдии купец был тоже один – Василий Афанасьев Максимов. Торговал он внутри империи – в Сибири, на границе, при Архангельском порте и в сибирской приграничной Кяхте пушниной, шелковыми, бумажными и шерстяными тканями, немецкими товарами на общую сумму до пятнадцати тысяч рублей. Купцов третьей гильдии в Лальске к концу восемнадцатого века было шесть. Торговали они льняным семенем, пшеницей, ржаной мукой, холстами, льном, рыбой, говядиной и мелочным товаром. Некоторые из Лальска и не выезжали вовсе, а торговали единственно из собственных лавок в самом городе. Первый из купцов третьей гильдии Папулов имел товаров на общую сумму в четыре с половиной тысячи рублей, а последний Сидоров – на сумму в три раза меньше¹⁵. Это уже и серебряным веком не назовешь – только бронзовым.

И последнее о восемнадцатом веке Лальска. В семьсот девяносто девятом году на вопрос Губернского Правления о том, сколько для жителей здешнего города нужно пороху и селитры, лальские власти отвечали – нисколько.

Деятнадцатый век Лальска не был ни бронзовым, ни медным, ни даже каменным. Он был бумажным. В восемьсот двадцать девятом году¹⁶ купец Степан Сумкин¹⁷ в трех с половиной верстах от Лальска на реке Шилюг открыл бумажную фабрику. Тогда в России многие открывали бумагоделательные фабрики потому, что правительство в восемьсот пятнадцатом году взяло да и запретило ввоз в страну импортной бумаги, и стало выгодно развивать производство своей. В год открытия фабрики Сумкина в России уже существовало более семидесяти подобных фабрик. Поначалу-то Степан Семенович открыл еще и кожевенный и свечной заводы, вернее, заводики, но эти оказались убыточными и приказали долго жить, а вот бумажная фабрика выжила.

Сам Степан Семенович руководил фабрикой лишь первые десять лет ее существования. В тридцать девятом году он скончался, и хозяином фабрики стал его сын – купец первой гильдии Алексей Степанович Сумкин.

С сырьем на фабрике проблем не было – нужную для производства льняную тряпку привозили из Вологодской, Архангельской и Пермской губерний. Рабочих было хоть отбавляй – крестьяне из близлежащих деревень, а вот специалистов, способных обслуживать машины и управлять производством, приходилось приглашать. Сумкин-младший выписал из-за границы бумагоделательную машину стоимостью в двадцать тысяч рублей серебром и к ней паровую машину в два десятка лошадиных сил. Для установки этих машин в восемьсот пятьдесят седьмом году пригласили из Москвы англичанина Вельта. К тому времени уже на двух фабриках выпускали бумагу на сорок девять тысяч рублей в год. Работало на этих фабриках больше ста человек. Одна из них была большой, и на ней работало около ста рабочих, а вторая маленькой, и на ней работало полтора десятка. Может, в Москве или Петербурге такие фабрики и затерялись бы среди других, но в масштабе Лальска это были промышленные гиганты и без всякого сомнения градообразующие предприятия. И еще. В России в начале шестидесятых годов позапрошлого века было сто шестьдесят пять бумагоделательных фабрик. Только треть из них производила бумагу машинным способом, и лальская фабрика купца Сумкина была в их числе.

В Лальском краеведческом музее лежит под стеклом преискурант писчебумажной фабрики торгового дома «Наследники Сумкина» в гор. Лальске, в котором перечислены виды выпускавшейся бумаги: чайная синяя, бутылочная серая, картузная белая, картузная голубая, картузная серая, товарная желтая, мундштучная, цедильная, бюварная красная, газетная, газетная епархиальная, книжная, почтовая гладкая, почтовая линованная, писчая молочная, писчая белая, писчая глазированная, писчая курительная, альбомная, этикетная, обойная, заверточная серая, обертка, чайная розовая и чайная синяя. Одних только сортов газетной бумаги было десять. Только попытайтесь представить себе, для каких случаев употреблялась писчая молочная бумага, а для каких писчая белая, не говоря о писчей глазированной. Только попытайтесь...

В восемьсот сорок восьмом году Вологодские губернские ведомости писали: «На двух бумажных фабриках деятельнейшего купца А.С. Сумкина занято работой до 300 человек; фабрики эти в течение 15 лет доведены до возможного совершенства, бумага выделяется на 30000 руб. серебром, и несмотря на топкие болотистые места, окружающие ту и другую фабрики, попечительство хозяина по продовольствию и устройству жилищ избавляет рабочих людей от вредного влияния на их здоровье, потому со времени устройства фабрик болезни там не появлялись».

Через десять лет Алексей Степанович Сумкин пригласил из Калужской губернии нового мастера по выработке бумаге – Сергея Михайловича Прянишникова, который прослужил на фабрике более полувека. В семидесятом году он женился на внучке Сумкина Екатерине Егоровне Шестаковой и стал совладельцем фабрики и главным уполномоченным по всем ее делам. Тут надо немного отступить назад и сказать, что у Алексея Степановича прямых наследников не было – два его сына умерли в младенчестве, но дочь он успел выдать замуж за молодого приезжего купца Егора Сергеевича Шестакова, которого уговорил «навечно записаться в лальское купечество». Ну, не то чтобы Сумкин его долго уговаривал, а просто сказал, что дочь не отдаст, если Шестаков... Тот и записался. Прянишников, стало быть, женился на дочке Егора Шестакова и дочери Сумкина – Елизавете Алексеевне.

Прянишников существенным образом расширил производство бумаги. При нем работало уже четыре паровых машины, шестнадцать роллов для размалывания сырья, которые обслуживали три с половиной сотни рабочих. К концу восьмидесятых годов торговый дом «Наследники Сумкина» производил сто тридцать две тысячи стоп бумаги в год на сто восемьдесят три тысячи рублей в год. В девятьсот восьмом году на фабрике работало почти пятьсот человек, которые давали продукции на четверть миллиона рублей. И это при том, что в самом Лальске проживало к концу девятнадцатого века немногим более тысячи человек.

У Сергея Михайловича Прянишникова¹⁸ имелся брат – Илларион Михайлович, который производством бумаги не занимался, но был известным художником-передвижником. Он не раз и не два приезжал в Лальск к брату и написал несколько картин на местные темы. Одна из этих картин, увы, незаконченная, называется «Крестный ход» и находится теперь в Русском музее.

Куда только не поставлялась бумага торгового дома «Наследники Сумкина» – и в близлежащие Архангельскую и Вологодские губернии, и в Сибирь, и на Кавказ, и на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки. К концу века она была такого качества, что на международной выставке в Париже лальская бумага получила большую серебряную медаль, а в девятьсот двенадцатом году большую золотую на выставке в Лондоне.

Владельцы фабрики бедными не были. Иннокентий Егорович Шестаков – сын Егора Сергеевича Шестакова – владел кроме фабрики конным заводом, тремя домами в Лальске, домом в Великом Устюге, кладовыми, амбарами. Имел четыре с половиной тысячи десятин земли, пристань на реке Лузе и два парохода – «Лальск» и «Шилюг».

О рабочих фабриканты не забывали – построили им дома при фабрике, небольшую больницу на шесть коек, где принимал фельдшер, и начальную школу для детей. К началу двадцатого века при фабрике вырос поселок, в котором проживало полтысячи человек.

Не забывали наследники Сумкина и Лальск. При их содействии в восемьсот семьдесят седьмом году открылась городская библиотека и, спустя шестнадцать лет, трехклассное городское училище. До этого в городе было только приходское училище для мальчиков, открытое еще восемьсот тридцать четвертом году на средства купца Плюснина. Шестаковы и Прянишниковы были попечителями местных учебных заведений, жертвовали деньги на ремонт и благоустройство Лальских храмов.

Вернемся к городу. Если вооружиться увеличительным стеклом и пролистать десяток справочных и памятных книжек по Вологодской губернии, если прочесть десятки номеров Вологодских губернских ведомостей, то среди вороха бесчисленных новостей о жизни в Вологде, Грязовце, Тотьме, Великом Устюге и других уездных городах Вологодской губернии можно обнаружить крупницы сведений о заштатном городе Лальске. К примеру о том, что в восемьсот сорок третьем году, если судить по ежегодной смете городских расходов, городская богадельня содержалась на восемьдесят пять рублей в год, из которых пятьдесят пять рублей отпускалось из городского бюджета, а остальные тридцать рублей представляли собой проценты с капиталов, положенных на ее (богадельню) имя надворной советницей Раковой (с формулировкой «на поддержание в городе бедных и поминовение ее со сродниками»), устюжской мещанской Острогиной и купцом Федором Абрамовым; что на раздачу бедным жителям Лальска в год отводилось четыре рубля тридцать копеек, а на «иллюминацию Присутственных мест в Высокоторжественные дни» полагалась точно такая же сумма; что Иван Плюснин, лальский купец первой гильдии, на содержание городского приходского училища пожертвовал три с лишним тысячи рублей, и проценты с этого капитала, которые составляют около двухсот рублей в год, позволяют училищу ни в чем себе не отказывать; что на «исправление в городе площадей и улиц» было предусмотрено ровно десять рублей и ни копейкой больше, а на покупку и починку мебели для Городской Думы и Градского дома в два раза больше; что на ремонт тротуаров возле Присутственных мест по смете полагалось еще десять рублей (на всех остальных немощеных улицах и площадях заштатного города Лальска тротуары не ремонтировали по причине их отсутствия); что на починку дома, занимаемого Присутственными местами, ассигновали шестнадцать рублей, а на содержание дорог в черте города – двадцать пять рублей; что «церковнослужителям за поминовение вкладчиков в Думу капиталов и их сродников» в год уходило около пятнадцати рублей, что в три раза больше суммы, полагавшейся для раздачи бедным; что на содержание общественных часов на колокольне Воскресенского собора истратили пятнадцать рублей; что на устройство балдахина для водоосвящения жители города Лальска тратили каждый год пять рублей, и эта сумма на семьдесят копеек больше известной суммы, которую

раздавали бедным. И еще. В самом конце сметы было сделано примечание «Кроме того хранится остаточного капитала от прежних лет 628 руб. 96 коп.». Как перед глазами стоит этот остаточный капитал, спрятанный в ларчик красного дерева с штучными выкладками из карельской березы, ключик от которого бургомистр носил на том же шнурке, что и нательный крестик.

В следующем, сорок четвертом году... да то же самое, что и в прошлом. Те же десять рублей на исправление городских площадей и улиц, те же десять рублей на ремонт тротуаров возле присутственных мест, те же двадцать рублей на ремонт дорог в черте города, те же пятнадцать рублей на ремонт городских часов на колокольне собора, те же четыре с половиной на освещение Присутственных мест в праздники. Вот только денег на покупку и починку мебели в Думе истратили уже двадцать восемь рублей, а на починку и отопление Присутственных мест целых тридцать. Появилась и новая статья «На содержание трех мальчиков, подкинутых в существовавшую прежде сего Богадельню и бедных в городе жителей» город дал почти двадцать пять рублей. Три подкинутых мальчика! Воображаю какое это было событие для добропорядочного и богобоязненного Лальска, в котором в середине девятнадцатого века по статистике меньше всех в губернии рождалось незаконнорожденных детей. В отдельные годы их вообще не было в то время, как они рождались и рождались в уездных городах десятками, а в губернской Вологде их в год рождалось более сотни. Отдельно надо сказать о «существовавшей прежде сего богадельне». Ее пришлось закрыть по причине ветхости и по причине того, что добропорядочные и богобоязненные граждане Лальска никак не могли собрать достаточно денег на ее содержание, а Иван Федорович Бобровский, который эту богадельню еще в начале восемнадцатого века устроил, давно умер, а его внук отказался ее содержать, поскольку не имел для этого средств, а лальские мещане и купцы...

В восемьсот сорок шестом городские власти выделили десять рублей и тридцать две копейки на содержание двух мальчиков «подкинутых в существовавшую прежде сего богадельню». Бог ведь куда делся третий мальчик – может, взяла его на воспитание какая-нибудь добрая и бездетная мещанская или купеческая семья, а может, и помер он в одночасье, как помирали тогда бесчисленно младенцы от гнилой горячки, нутреца или заметухи. На помощь бедным как выделяли четыре тридцать – так и продолжали выделять. Ну, и на балдахин для водосвятия пять рублей, как говорится, отдай и не греши. В тот год в Лальске проживало восемьсот двадцать семь жителей. Дворян и чиновников было среди них всего семь. Губернские статистики подсчитали, что съели лальчане за год сто двадцать две коровы, семьдесят пять баранов и овец, шестьдесят два теленка и пятьдесят четыре свиньи. Еще и выпили около двух тысяч ведер вина. Дотошные статистики тогда посчитали, что все эти съеденные свиньи, коровы и телята потянули на полторы тысячи пудов мяса. Да еще из окрестных сел в Лальск привезли четыре с половиной сотни пудов замороженной свинины и говядины. Если пуды и ведра перевести в килограммы и литры, то получается, что в год один житель Лальска съедал почти сорок килограммов мяса и выпивал тридцать литров вина. Вином тогда называли водку. То есть в день выходила почти стограммовая стопка водки и сто грамм мяса. Это, если наливать всем от мала до велика каждый божий день и не соблюдать постов, а они скорее всего соблюдали и младенцам скорее всего не наливали. Ну не могли же они, в самом деле, наливать младенцам. Если все это сравнить с современными нормами потребления мяса и водки... Хотя посты теперь соблюдают далеко не все, а водку младенцам...

В сорок седьмом году Вологодские губернские ведомости опубликовали «Краткий статистический взгляд на заштатный город Лальск». В нем, в частности, было написано, что «кругом одной из соборных церквей существует примечательная ограда: на обыкновенном каменном фундаменте возведены каменные же столбы, между которыми вместо решетки, вделаны буквы из белого листового железа, из сочетания которых образуется кондак Богородицы». Вот вам и достопримечательность. Впрочем, в том году

появилась и еще одна – первый каменный жилой дом. Остальные сто тридцать восемь домов как были деревянными, так и остались.

И еще цитата из «краткого статистического взгляда»: «Главный предмет занятия здешнего купечества есть торговля к Архангельскому порту хлебом, льняным семенем, льном, сальными свечами и писчей бумагой, которая и отправляется тоже и на Ирбитскую ярмарку. Все вышеозначенные предметы торга заготавливаются зимою, как в самом городе Лальске, так и большею частью по другим городам здешней губернии, куда Лальское купечество для производства подлежащих закупок записывается гостями. Писчая же бумага заготавливается на фабриках почетного потомственного гражданина Лальского 2-й гильдии купца Алексея Сумкина... Кроме разных ремесел производимых в Лальске и поныне, он прежде славился искусным часовым ремеслом. Часы там делавшиеся на манер английских, были иногда устраиваемы со множеством колокольчиков, наигрывавших разные мотивы, с боем четвертей и с показанием разных фазов Луны. Ныне за смертью производившего их часового мастера, такие часы уже почти считаются редкостью». И еще. На содержание мальчика, подкинутого в существовавшую прежде сего богадельню, истрачено пять рублей шестнадцать копеек. Вот и думай теперь, вот и мучайся неизвестностью – куда подевался второй мальчик из трех подкинутых. В смете расходов про это не написали, а зря. Ну и, как водится, бедным их обычные четыре рубля тридцать копеек, на иллюминацию Присутственных мест четыре с половиной, а на балдахин для водосвятия пять рублей. На приведение в порядок площадей, улиц два рубля, на очистку площадей девять, на ремонт тротуаров возле Присутственных мест три рубля, а на мебель в Думе и Городском доме – все двенадцать. Да что они там, в Думе – стульями, что ли, кидались... И это при том, что тогдашняя мебель была не чета нынешней.

Между прочим, если судить по смете городских расходов и доходов, Лальск совсем не бедствовал – доходы, к примеру, в восемьсот пятьдесят третьем году почти в два раза превышали расходы, составлявшие семьсот одиннадцать рублей. И при таком, как сказали бы сейчас, профиците в городе не было ни больницы, ни аптеки, ни даже «существовавшей прежде сего богадельни». Зато были три питейных дома и штофных лавки. В Лальске не было даже инвалидной команды под командой какого-нибудь отставного поручика и кавалера ордена Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость». Да что команды! Не было ни одной полицейской будки с усатым и вечно пьяненьким будочником.

Вообще сведения о жизни внутри Лальска в середине позапрошлого века глухи и отрывочны. В ежегодной Справочной книжке для Вологодской губернии за восемьсот пятьдесят четвертый год ему посвящено всего две строчки. Сказано, что бургомистром в городе купец второй гильдии Иван Афанасьевич Ощепков, а секретарем губернский секретарь Василий Александрович Воцкий. И все. И больше ничего. Только добавлено в разделе о дорогах Вологодской губернии, что расстояние от Лальска до уездного Великого Устюга восемьдесят верст, но это и в каждой книжке сообщается. Правда, в следующем году в этом же справочнике можно прочесть, что лальский, второй гильдии купец Алексей Сумкин пожертвовал на государственное ополчение пятьсот рублей (в скобках заметим, что остальные жители Лальска на эти же цели совокупно пожертвовали одиннадцать рублей без пяти копеек), в пользу воинов, раненых при защите Севастополя, сто рублей. Еще один Лальский купец Шестаков пожертвовал на эти же цели сто рублей, но Сумкин взял на содержание в свой дом в Великом Устюге три десятка ратников на все время их пребывания в городе. Впрочем, все это можно отнести к событиям внешним и к самому Лальскому имеющим косвенное отношение.

Иногда к обязательным двум строчкам о бургомистре и секретаре в Справочных, а затем и в Памятных книжках прибавляли несколько разного рода цифр. Например, о том, что в пятьдесят шестом году на Афанасьевскую ярмарку, которая ежегодно проходила в Лальске, привезли товаров на двадцать тысяч, а продали едва на пятнадцать, или о том, что в шестидесятом году родилось в городе девятнадцать мальчиков и пятнадцать девочек, из которых два мальчика и одна девочка оказались незаконнорожденными. В этом же году,

как подсчитали статистики, в Лальске у горожан имелось пятьдесят две лошади, рогатого скота девяносто голов, три с половиной десятка овец, шестьдесят пять свиней и ни одной козы. Кроме коз не было в городе ни одного хлебника, ни одного булочника, ни одного кондитера, ни одного колбасника и ни одного пряничника. Было два мясника. Модисток, шляпников, башмачников и скорняков тоже не было. Только три портных и четыре сапожника. Шорников, каретников, кузнецов и мельников не имелось. Не было даже лудильщика, чтобы чинить прохудившуюся посуду. Зато работали часовщик и два ювелира. Проживали в Лальске четыре печника, два столяра, два обойщика, один трубочист, один плотник и шесть хлебопашцев. Если говорить о том, чего еще не было в Лальске начала шестидесятых годов девятнадцатого века, то непременно нужно сказать, что не было в нем ни католиков, ни протестантов, ни магометан, ни иудеев. Во всех остальных городах Вологодской губернии и, само собой, в Вологде они были, пусть иногда и в следовых, как говорят химики, количествах, а в Лальске... только православные. И еще о том, чего в Лальске и окрестностях было куда больше, чем почти у любого города в Вологодской губернии. В первой половине шестидесятых годов городу Лальску принадлежало 1754 десятины 741 сажень леса. Больше лесов было только в Яренском уезде, а это уж была такая глухомань, которую, по совести сказать, даже медвежьим углом не назовешь, а только барсучьей норой. В Яренском уезде как минимум треть, а то и половина жителей и вовсе была стариками-лесовиками, водяными и болотными кикиморами.

И снова. В Памятной книжке для Вологодской губернии на 1861 год Лальску посвящено ровно две с половиной строки. Сказано, что бургомистром в нем купец третьей гильдии Николай Афанасьевич Ощепков, а секретарем коллежский секретарь Александр Петрович Шапошников. Половина строки – это известие о том, что пятьдесят восьмом году в Вологде открылся книжный магазин лальского купца Сумкина. В самом Лальске книжного магазина еще долго не было, а если бы Сумкин его и открыл, то довольно быстро закрыл бы, поскольку с грамотностью у лальчан все обстояло не то чтобы плохо, но... Почти сто сорок неженатых мужчин и сто восемьдесят незамужних женщин не получили никакого образования. Среди девяноста четырех женатых мужчин всего дюжина имеющих хотя бы начальное образование (в городе было начальное училище народного просвещения), а среди почти такого же количества замужних дам где-то учившихся – всего две. На весь Лальск было сто восемь грамотных мужчин и шестьдесят восемь женщин. Неграмотных мужчин – сто один, а женщин – чуть больше двух с половиной сотен. Окончивших местное училище народного просвещения было ровно тридцать три человека на весь город, или 1/18 часть всего населения города. Представить себе, как все умеющие грамоте лальчане станут покупать в книжном магазине книги, у меня не получается. У вас тоже не получится. И не старайтесь.

В Памятной книжке для Вологодской губернии на 1862 – 1863 гг. можно найти, кроме обязательных двух строчек о бургомистре, ратманах и секретаре, небольшое описание Лальска: «Почти в середине течения Лузы по Устюгскому уезду в двух верстах от нее, при речке Лале стоит заштатный город Лальск с 186 деревянными домами, 635 душами обоюбого пола жителей, и 7 церквями. В нем почти каждый обыватель имеет свой дом, имеет свою деревушку на праве, представленном жителям здешних городов владеть землями, обрабатываемыми половниками или самими владельцами, а потому здесь нет и помину о торговых ценах на торговые припасы; если же кто-либо не имеет недвижимой собственности, так тот и вовсе не живет в Лальске, или поступает в услужение, причем пользуется готовым содержанием».

Устроиться на работу в самом Лальске можно было только сидельцем или приказчиком в одной сорока семи городских лавок или рабочим в одной из трех красилен, принадлежавших мещанам Александру Протопопову, Ивану Деревнину и Николаю Гладышеву. Фабрика Алексея Степановича Сумкина, как мы помним, находилась в трех с половиной верстах от города.

Восемьсот шестьдесят шестой год в Лальске запомнился тем, что в городе не родилось ни одного незаконнорожденного ребенка. Сыграли всего пять свадеб. Ни одного развода, ни одного каменного дома, ни одной козы. Козы появились в городе лишь через десять лет. Тогда же появились в Лальске два кузнеца и переплетчик. Правда, у горожан почти не осталось свиней – всего пять, а еще двадцать лет назад было целых шестьдесят пять голов. Кто его знает, почему так вышло. Не козы же с кузнецами и переплетчиком их забодали, в конце-то концов... Тогда же на средства купца Алексея Стефановича Сумкина в соборной Благовещенской церкви «устроен новый иконостас весь вызолоченный по полименту и приобретены для оного новые иконы Московской живописи по золотому фону... стены как в алтаре так и в самом храме и притворе окрашены приличными красками на масле; для отделения солеи от прочего пространства в храме устроена чугунная решётка». Городское кладбище обнесли невысокой кирпичной оградой, крытой железной двускатной крышей... Про восемьсот шестьдесят шестой год всё.

В семидесятом году Александр Второй реформировал городское управление, и по новому Городовому положению в Лальске появилась Городская Дума, гласные, председатель земской управы и городской голова. Городских голов в Лальске было несколько, и рассказывать о них особенно и нечего – головы как головы – большей частью бородатые головы купцов второй и третьей гильдий. Только об одном – Иване Степановиче Пономареве – стоит рассказать особо, поскольку он был не только самым лучшим городским головой в истории Лальска и первым его летописцем, но и сам по себе был отдельной главой этой истории.

Само собой, Иван Степанович не сразу родился городским головой с цепью на шее. До этого он был гласным Лальской Городской думы, а еще раньше городским секретарем, членом Устюжского уездного училищного совета от Лальска, состоял попечителем Лальского приемного покоя для больных, почетным попечителем Учецкого земского училища в тринадцати верстах от Лальска... Всех его должностей и обязанностей не перечислить. Пономарев был очень активным общественным деятелем. Купеческий сын Иван Степанов Пономарев больше всего на свете не любил только одно занятие – торговлю.

В восемьсот девяностом году Пономарева избрали городским головой, и был он им до самой своей смерти в девятьсот шестнадцатом, но еще до его избрания городским головой по его настоянию в Лальске в начале восьмидесятых годов было открыто женское начальное училище. И это при упорном сопротивлении гласных Городской Думы. И это при том, что граждане Лальска почти сто лет боролись против открытия в городе мужского начального училища, а когда его все же открыли, стали «ходатайствовать о закрытии училища по невозможности обществу содержать таковое... по малочисленности купечества и скудости мещанства». В девяносто четвертом году Иван Степанович открыл в Лальске мужское шестиклассное городское училище. Не просто открыл в купленном для этого здании, а добился постройки нового за счет Устюжского уездного земства и сам нанимал на строительство плотников. Он же был и почетным смотрителем нового училища¹⁹. В девятьсот одиннадцатом году заштатный Лальск тратил на народное образование больше, чем некоторые уездные города Вологодской губернии. Иван Степанович еще и хлопотал о стипендиях тем выпускникам городского училища, которые после его окончания шли учиться дальше – в учительские семинарии уездных городов Вологодской губернии.

В восемьсот девяносто восьмом году «за усердную и полезную деятельность по учреждениям Министерства народного просвещения» Иван Степанович Пономарев, окончивший лишь начальную школу в Лальске и уездное училище в Устюге, был награжден серебряной медалью, а через двенадцать лет «золотой медалью для ношения на шее». Медалей у Пономарева было несколько. Еще одной, бронзовой, он был награжден в девяносто седьмом году за руководство переписью населения в восточной части Устюжского уезда.

В восемьсот девяносто первом году построили больницу, где работал фельдшер, а доктор, как и сто лет назад, приезжал время от времени из Великого Устюга, где он постоянно проживал.

Пономарев обращал свое внимание на все. Он, к примеру, предложил открыть в Лальске общество взаимного страхования имущества от огня. На это гласные согласились, поскольку Лальск, как и все деревянные городки, очень страдал от периодических пожаров. Открывать городскую библиотеку в Лальске хотели не больше чем открывать училище. Надо сказать, что ни уездным, ни губернским начальникам библиотека в Лальске тоже была не нужна. И все же Пономарев добился ее открытия. В разрешении на ее открытие, выданном в начале восьмидесятых годов, так было и записано: «под личную ответственность купеческого сына Ивана Степановича Пономарева». Когда в девяностые годы в городской библиотеке оказалось уже довольно большое количество книг, Иван Степанович организовал переплетную мастерскую, приобрел необходимый инструмент и пригласил из Великого Устюга переплетчика, который за два года работы переплел не только изрядно потрепанные библиотечные книги, но и книги некоторых жителей Лальска. Жил и работал переплетчик все это время в доме городского головы. Только в конце восьмидесятых годов в Лальске была открыта еще одна библиотека – для священников, чтобы «дать духовенству округа возможность дополнять и расширять приобретенные в учебных заведениях знания и следить за развитием богословской науки и христианского просвещения». Светских книг там практически не имелось, а газеты были и вовсе запрещены. Вообще за недозволенной литературой следили внимательно. В девяносто четвертом году в Лальской городской библиотеке бдительные правоохранители обнаружили подписку журнала «Русская мысль» за семь лет, всю сложили в специальный ящик, который опечатали и сдали на хранение библиотекарю.

В начале двадцатого века Лальский городской голова, увидев в каком-то журнале рекламу керосино-калильных фонарей, уговорил городскую Думу заменить самые обычные примитивные керосиновые фонари, которые не столько освещали город в темное время суток, сколько просто расходовали керосин, на новые, дававшие почти такой же яркий свет, как и электродуговые. Такие фонари были далеко не во всяком уездном городе Вологодской губернии, а в заштатном Лальске были.

При Пономареве в Лальске появилось почтовое отделение, а спустя короткое время оно стало почтово-телеграфным. Специально нанятый почтальон три раза в неделю ездил в Устюг и привозил оттуда в управу почту.

Каким образом Ивану Степановичу при вечной его занятости удавалось выкраивать время еще на краеведение – неизвестно, но именно Пономареву Лальск обязан первой своей летописью. Он успел написать только первый ее том, который называется «Материалы к истории города Лальска Вологодской губернии». В нем самым подробным образом описана история Лальска с самого его основания до конца восемнадцатого века. Старинных документов Пономарев изучил огромное количество. Городская Дума даже выделила сто рублей на собиране необходимых материалов. Этой небольшой суммы, конечно же, не хватило, поскольку пришлось пользоваться архивами монастырей, Министерства юстиции, из которых нужно было извлекать большое количество материалов писцовых, дозорных и приправочных книг. Такого серьезного краеведческого труда в конце девятнадцатого века в Вологодской губернии, исключая саму Вологду и Устюг, не было написано ни об одном уездном городе, а о заштатном Лальске был. И теперь ни один краевед, пишущий о Лальске, не обходится без того, чтобы не сослаться на работу Пономарева.

Иван Степанович Пономарев умер от сердечного приступа в апреле девятьсот шестнадцатого года. После похорон в его письменном столе нашли не одно и не два предупреждения из Ярославско-Костромского земельного банка о том, что нужно немедленно уплатить очередной взнос в счет погашения ссуды, взятой под залог дома. Семья городского головы, управлявшего городским хозяйством Лальска почти полвека, жила бедно. Жалованье Пономарева лишь в последние четыре месяца его жизни было сто

рублей в месяц, а до этого два года он получал по пятьдесят, а еще раньше тридцать пять. Семьи, в которых одиннадцать детей, редко живут в достатке. Иван Степанович, как уже было сказано, торговать не любил, а потому сначала продал небольшие земельные владения²⁰, доставшиеся ему по наследству, потом большую часть своих коллекций монет, бумажных денег, почтовых марок, старинных книг, рукописей, антикварных вещей и палеонтологических редкостей, а потом и заложил дом. Кроме бумаг из банка в письменном столе Пономарева нашли список долгов на пять тысяч рублей. Три тысячи из этих денег Иван Степанович был должен конторе бумажной фабрики. Этот долг владелец фабрики купец Шестаков ему немедленно списал. Еще и перевел в банк триста рублей в счет очередного взноса по закладной.

В девятьсот тридцать первом году дом семьи Пономаревых был по суду отчужден райисполкомом. Жене Ивана Степановича А.А. Пономарева с дочерью и внуком пришлось переехать на частную квартиру, а все вещи, за исключением тех, что удалось разместить у родственников, сложили в амбаре, во дворе дома. Через несколько месяцев вдова Ивана Степановича умерла, а райисполком велел дочери очистить амбар. Девять ей вещи было некуда, и потому ими стал владеть райисполком, поскольку они находились в амбаре, который уже ему принадлежал. Говорят, что старинное кресло восемнадцатого века в стиле рококо, на котором сидел Иван Степанович, видели в одном из райисполкомовских кабинетов.

Девятнадцатый век для Лальска был не только бумажным, но и льняным. На ярмарке и трех торжках, ежегодно проводившихся в городе, торговали прежде всего льном и куделью, то есть очищенным льняным волокном. В отдельные годы в самом Лальске и его окрестностях скупали льна и кудели на миллион рублей. Сюда приезжали скупать лен представители прядильно-ткацких фабрик Ярославля, Костромы и Устюжского уезда. Скупка льна продолжалась с конца октября до конца декабря. Лальчане сдавали свои дома скупщикам льна и других товаров, с тем чтобы те устраивали в них склады товаров. Ярмарки проходили в Лальске с октября по март. Кстати, о лальчанах. Лальск был единственным городом в Вологодской губернии, в котором не было дворян – только мещане, купцы, духовенство, крестьяне и половники²¹. В восемьсот семьдесят третьем году в Лальске проживало почти шестьсот человек. Из них половина – мещане, около восьми процентов – купцы, пятнадцать процентов духовенство, а остальное – крестьяне и половники. К концу девятнадцатого века население Лальска составляло тысячу сто человек – все те же мещане, купцы, священники и крестьяне.

Вы, наверное, думаете, что Лальск, торгующий льном и опекаемый бумажными фабрикантами, разбогател, украсился домами с коринфскими колоннами и похорошел? Увы, он как был захолустьем – так и остался. В начале двадцатого века в нем было всего четыре каменных дома и около двух сотен деревянных. Дюжина улиц и два переулка. Мощеных ни одной. Освещался город яркими, но очень редкими керосино-калильными фонарями. Конечно, главным украшением Лальска были церкви, а кроме церкви ограда с буквами из кондака Богородице, сосновый парк, бульвар длиной двести с лишним метров и... Нет, не все. К концу девятнадцатого века в Лальске появился клуб. Назывался он «Общественное собрание». Клубом управлял совет старшин, в числе которых был Иван Степанович Пономарев. Поначалу он и помещался в доме городского головы, а потом для него построили специальное здание с залом для танцев, бильярдным и карточными столами и сценой для постановки спектаклей. Крестьяне в этот клуб не ходили. Завсегдатаями были местные интеллигенты, купцы и мещане. Женщины приходили сюда редко – только на семейные вечера, на которые пускали и молодежь, в том числе и девушек. Мазурка, полька, оркестр из трех скрипок и контрабаса, лимонад, монпансье «Ландрин», шампанское, пироги с капустой и морковью. Во время танцев на сцене обычно сидели мамы женихов и высматривали танцующих в зрительном зале невест, а мамы невест, сидевшие рядом с мамами женихов, высматривали женихов. В девятьсот восьмом году молодежь Лальска решила организовать свой демократический клуб, куда можно было бы приходиться

представителям всех сословий. Назвали этот клуб «Семейный кружок», и девушки туда могли приходить каждый день. Купили граммофон с пластинками, поставили бильярд, столы для карт и стали гонять шары и играть в преферанс, сообразуясь с новыми, демократическими принципами. Еще и мазурку заменили вальсом. Новый клуб квартировал в доме городского головы. Просуществовал он до самой Первой мировой войны.

Все же не стоит думать, что развлекаться в Лальске можно было только играя в карты или на бильярде. Были и культурные развлечения. В свободные от танцев вечера в клубе «Общественное собрание» ставили спектакли по пьесам Островского, Сумбатова-Южина и еще целого ряда популярных тогда авторов. Особой популярностью пользовалась пьеса В.А. Тихонова «Сполохи» с подзаголовком «Жизнь достанет», главный герой которой – Адриан Износков, чем-то неуловимо напоминающий чеховского профессора Серебрякова, говорит: «Оставьте меня в покое. Я ничего не хочу знать. Служить при нынешнем шатании я не могу; жить в Петербурге, в этой крикливой сутолоке – не в силах...». Так и вижу, как после этой фразы лальская публика вздыхала и думала: «Пожил бы ты у нас, среди гусей с курами, мещан, медведей и станowych приставов, похожих на медведей как две капли воды, без сутолоки и крика хотя бы месяц – посмотрим как запел бы».

Лальская публика театром была не избалована и живо реагировала на все, что происходило на сцене. На одном из спектаклей в декорациях был устроен невидимый ручей, протекавший через всю сцену. За кулисами приготовили большой железный бак с водой. Человек, приставленный к баку, черпал ведром воду и наливал ее в самый обычный ручей из тех, которыми и до сих пор пользуются у нас на дачах. Ручей висел выше бака и был соединен с ним трубкой. Струйка воды падала в бак и это «журчание» было слышно всему залу. Успех был оглушительный. Зрители вскакивали с мест, чтобы увидеть ручей.

Поначалу режиссером в театре была провинциальная актриса по фамилии Гулина, приехавшая в Лальск, потом, некоторое время, после того как Гулина умерла – ее дочь, а с девятьсот восьмого года спектакли ставила Е.И. Шестакова – дочь владельца бумажной фабрики. После семнадцатого года... ничего ужасного с ней, к счастью, не случилось. Через пару лет она вышла замуж и уехала из города.

Вы не поверите, но в крошечном Лальске в то время было даже два театра. Вторым был народный. В нем ставили народные драмы вроде «Царя Максимилиана», которые обычно играли на Святках. Народные драмы – это... Впрочем, народные драмы не имеют никакого отношения к истории Лальска. Скажу только, что ставила эти драмы молодежь – городская и фабричная, женские роли исполнялись мужчинами, костюмы делались из картона и обклеивались золотой или серебряной бумагой в зависимости от важности того или иного персонажа.

Если к двум клубам и двум театрам прибавить Вольное пожарное общество под председательством Иннокентия Егоровича Шестакова, владельца бумажной фабрики, почтово-телеграфную контору, городскую повивальную бабку, земскую больницу, двух врачей с аптекарским помощником, аптеку, Общество взаимного страхования от огня, в котором был распорядителем Иван Степанович Пономарев, Общество потребителей, высшее начальное училище, женскую прогимназию, Сиротский суд, Общество призрения бедных²², две с половиной сотни деревянных домов и четыре каменных, несколько десятков торговых лавок, тысячу с лишним жителей, фабрику наследников Сумкина с пятью паровыми машинами, двумя водяными колесами, турбиной, семью паровыми котлами и около тринадцати тысяч годового городского бюджета, то получим Лальск перед Первой мировой войной. И еще прибавим помидоры, которые начал сажать в девятьсот десятом году приехавший в Лальск учитель чистописания коллежский регистратор Михаил Феофилович Дриацкий.

Наверное, нужно упомянуть события девятьсот пятого года, но в Лальске и размах беспорядков был соразмерен самому городу. В ночь на второе февраля большевики из

Устюга разбросали по улицам Лальска прокламации и... все. Может быть, даже кто-то и разбил стекло в нетрезвом виде, ругался матерно, грозил кулаком, обещал всем показать кузькину мать. Другое дело русско-японская война. В городе разместили военнопленных японцев. Местный исправник доносил уездному в Великом Устюге «Считаю долгом дополнить, что две семьи японцев открыли в городе прачечную и парикмахерскую, но едва ли они принесут им доход, а корейцев избегают пускать на квартиры, можно ли взять их на подённые работы на фабрику Сумкина для пилки и колки дров». Как только война закончилась, всех военнопленных стали отправлять обратно – в Японию и Корею, и тут оказалось, что не все из них хотят возвращаться. Более того, некоторые захотели перейти в православие. В июле пятого года лальское полицейское начальство рапортовало великоустюгскому: «10-го сего июля корейские подданные Пакюйсе-Син (30 лет) и Поягуни-Вон (23 года) приняли православную веру с наречением первого – Александром Сергеевичем Сергеевым и последнего – Федором Георгиевичем Георгиевским... Обряд совершал священник Спасской церкви о. Павел Баклановский. Об этом имею честь донести Вашему Высокоблагородию». В октябре еще один проживающий в Лальске кореец Ким-Тюки крестился и стал Алексеем Алексеевым. Вот, собственно, и все о событиях девятьсот пятого года в Лальске.

Потом была Первая мировая, потом семнадцатый год, потом Гражданская, потом Великая Отечественная... В девятнадцатом году в доме Шестакова устроили детский дом. Тогда же Лальск забрали у Вологодской губернии и приписали к Северо-Двинской. В двадцать четвертом сгорела бумажная фабрика, уже не принадлежавшая Сумкиным. Правда, рабочие ее быстро и безвозмездно восстановили. В том же году Лальск навсегда престал быть городом и превратился сначала в село, а через три года в поселок городского типа. Приказали ему быть административным центром учрежденного Лальского района Северо-Двинской губернии. Центром Лальск, конечно стал, но железная дорога через него так и не прошла. Что говорить о железной, если и обычной асфальтовой дороги до Лузы до сих пор нет. В двадцать восьмом Лальск приписали к Северному краю, в тридцать седьмом к Архангельской области. В это же самое время стали строить узкоколейку Лальск – Пинюг. Начали и... бросили. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» писал: «А железная дорога Лальск (на реке Лузе) – Пинюг (и даже до Сыктывкара думали её тянуть)? В 1938 какие крупные лагеря там согнали, 45 километров той дороги построили – бросили... Так всё и пропало». Не то чтобы бросили, а проложили еще шестьдесят с лишним километров, но до Пинюга она так и не дошла. В тридцатых организовали духовой оркестр. Инструменты купила Лальская бумажная фабрика, и с тех пор ни одно торжественное собрание без него не обходилось.

В сорок первом Лальск отрезали от Архангельской области и прирезали к Кировской. В пятьдесят седьмом в первый раз поставили в центре города елку с электрическими лампочками. В то время городская электростанция работала на дровах. В центре лампы у уличных фонарей еще горели ярко, а ближе к окраинам, до которых было рукой подать, еле-еле. При Хрущеве в совхозе «Лальский» выращивали кукурузу. Вернее, пытались ее выращивать. При этом загубили льняные поля. Кукуруза, понятное дело, в этих широтах не растет совсем. Здесь даже ячмень не вызревает до конца. Пшеницу никто выращивать и не пытается. Тогда же, при Хрущеве, массово продавали и забивали коров, потому что власти не разрешали косить траву. В шестидесятых у лальчан еще ни телевизоров, ни холодильников не было, зато почти в каждом доме было радио, а у некоторых еще и радиолы. Последние, правда, далеко не у всех.

В шестьдесят третьем образовали Лузский район, и райцентром стала соседняя с Лальском Луза, а Лальск снова стал заштатным, но уже не городом, а поселком. Все эти годы, весь прошлый век и два первых десятилетия нынешнего, Лальская бумажная фабрика работала не переставая. Бумагу, понятное дело, делали уже не из тряпок, а из целлюлозы. Сырье привозили из Братска, Котласа и Сыктывкара. Бумага расходилась не только по стране, но ее и экспортировали – в Болгарию, Сирию и даже в Африку. Кроме писчей

бумаги делали фильтровальную и промокательную. Те самые промокашки, которые вкладывали в каждую школьную тетрадь за две копейки. Ту самую фильтровальную бумагу, которая была в каждой химической лаборатории и которую держал в руках каждый химик. Теперь, в двадцатом году, фабрика почти мертва. Капитализм вернулся и принес собой конкуренцию, о которой здесь давно забыли. Перед закрытием на фабрике работало около восьмидесяти человек. Кто теперь владеет тем, что осталось от фабрики, на которой почти двести лет делали бумагу, неизвестно. Есть временный директор, а владельцы... Впрочем, какая разница кто они. Фабрику не воскресить²³.

Спросил я в местном историко-краеведческом музее, расположенном в красивом особняке, построенном еще Сергеем Михайловичем Прянишниковым, чем сейчас заняты жители Лальска. – Лесом, – ответили мне. Если работать на лесоповале или на лесопилке, то можно заработать до двадцати тысяч в месяц. Тот, кто не занят на лесоповале и на местных пилорамах, уезжает, как и в семнадцатом, и в восемнадцатом веках, в Сибирь на заработки – работать вахтовиками, на добыче нефти и газа. Те, кто не валит и не пилит лес, не уезжает в Сибирь на заработки, работают в местной администрации, нескольких магазинах, на почте, на маслозаводе и хлебозаводе. Хлеб и сливочное масло²⁴ в Лальске очень хороши. Еще хороша рыбалка. В Лале и Шилюге водятся плотва, уклейки, окуни, караси, хариус и даже стерлядь. В половодье можно поймать и нельму. Уж на уху-то всегда можно наловить. Зимы в последние годы стали теплыми. Еще лет десять назад зимой целый месяц могли стоять морозы за сорок, а теперь... Вот только расплодился волки и лисицы – утаскивают кошек и собак. Лисиц и правда много – на снегу у Воскресенского собора я видел их следы. Мне рассказали в местном музее, что одну собаку, сидевшую на цепи, волки утащили вместе с будкой...

Нет, в рассказе о Лальске не будет оптимистического финала. Какой уж тут оптимизм, если еле-еле отстояли местную больницу, которую власти решили закрыть, чтобы сократить свои расходы на то, на что они и без того не давали почти ни копейки. Ходил я по улицам Лальска и думал о том, что... Ну не собираться же им всем и идти из этого Богом забытого места обратно, откуда пришли – в Новгород. Или хотя бы в Великий Устюг. На кого, спрашивается, оставлять все нажитое за четьреста с половиной лет? Кому оставлять Воскресенский собор, колокольню, кладбище с церковью Успения Богородицы, память о караванах в Китай, о двух с половиной десятках сортов бумаги, включая бюварную красную, мундштучную и глазированную? И в Новгороде их никто не ждет. И Дед Мороз, которому с огромным трудом удастся прокормить Устюг, не сможет на себе вытянуть еще и Лальск. Не говоря о том, что хлеб и масло в Устюге, не говоря о Новгороде, совсем не те...

И последнее. В июне нынешнего, двадцатого, года жители Лальска обратились к вологодскому губернатору с просьбой включить и Лальск, и земли вокруг него в состав Вологодской области. Милый дедушка Константин Макарыч Писали, Кировской области не до них, что всегда тяготели они к Вологде, всегда были в составе Вологодской губернии, что обузой области не будут, потому как осталось их всего ничего, а туризм развивать в Лальске можно и нужно, что вместе с Великим Устюгом они составят... Думает вологодский губернатор. То есть он в ответе своем лальчанам написал, что «Вопрос включения города Лальск Кировской области в границы территории Вологодской области должен быть рассмотрен в соответствии с действующим федеральным законодательством, законодательством Вологодской и Кировской областей в сфере административно-территориального устройства, по результатам выявленного положительного мнения населения, проживающего на соответствующих территориях, по данному вопросу», но что это может означать...

¹Рушница – ружье с фитильным запалом.

²Зендень – шелковая ткань.

³Китайка – легкая хлопчатобумажная ткань. Россия потом сама освоила ее производство и ко второй четверти девятнадцатого века стала экспортировать китайку туда, откуда она к нам пришла, в огромных количествах. У нас этой китайки в одной Костромской губернии, в какой-нибудь крошечной Вичуге, производилось столько... а теперь снова как в семнадцатом веке. Они нам китайку, а мы им... Соболями теперь уж не расплатишься. Вот разве что лес или газ...

⁴Камка (дамаск) – шелковая ткань с цветочным рисунком.

⁵Фанза – китайская шелковая ткань, напоминающая тафту.

⁶Фата коноватка – Точнее, канаватная фата. Шелковое женское покрывало или платок прямоугольной формы. Такой шелк производили в сирийском городе Канават. Богатые женщины носили шитые золотом канаватные покрывала. Носили и бедные, когда хотелось пустить пыль в глаза. Про таких говорили «голь перекатна, а фата канаватна». Как такой платок попал в сундук Григорию Басанову – неизвестно, но уж он-то точно не был перекатной голью.

⁷Доскан – ящик, шкатулка.

⁸Часть обратного пути каравана проходила в районе пустыни Гоби. Не самая легкая часть.

⁹Правду говоря, она была не Матвеевна, а Спиридоновна, но Спиридоновна нарушит размер и рифму.

¹⁰Хотя это и не имеет отношения к Лальску, но о такой детали жаль не упомянуть. Кроме указа, была еще и «Проезжая грамота», данная Саватееву в Посольском приказе. Так вот в этой грамоте первые два десятка слов «Божиею поспешествующею милостию мы, пресветлейший и державнейший великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец» были написаны золотом, а все остальное обычными чернилами. Впрочем, и китайскому императору была оказана честь – слова «богдыханову высочеству» тоже написали золотом.

Раз уж зашла речь о проезжих грамотах. Журнал «Русская старина» в одном из номеров конца позапрошлого века писал, что в семьсот четвертом году по Сибирскому тракту, а значит и через Лальск, проехал беглый крестьянин Тобольского уезда Ефрем Иванов. Представлялся Иванов местным властям полковником и крестником Бориса Петровича Шереметьева. Была у него «грамота» за подписью и печатью Бориса Петровича. Ехал он по с целью предупредить местные власти о якобы предстоящем проезде по Сибирскому тракту Петра Первого. В грамоте было сказано, чтобы везде Иванову давали по двадцать пять подвод и оплачивали прогоны. Ехал он от самой Москвы и проехал почти до Тобольска, прежде чем его разоблачили. Интересно – брал ли он заимообразно деньги у местных дьяков, подьячих и купцов в обмен на обещание протекции у крестника, или только кутил в придорожных трактирах на прогонные деньги?

¹¹Стоять на правеже – это значит в течение некоторого, установленного судом или приказом времени, ежедневно, кроме праздников, стоять перед этим самым судом, пока тебя бьют батогами по ногам. Бить могли и час и два. Пока не отдашь денег или не найдешь человека, который тебя с правежа выкупит. За долг в сто рублей нужно было стоять месяц или больше, если долг был больше. Это еще Иваном Грозным было установлено, и потом подтверждено несколькими указами в семнадцатом веке.

¹²Не поленился я написать в Национальный музей Республики Коми в Сыктывкаре. Тамошние музейщики долго меня спрашивали, какую организацию я представляю, по чьему заданию пишу очерк о Лальске, где он будет опубликован и каким тиражом. Требовали указать место работы, паспортные данные и прописку. Когда же я сообщил им, что никакого задания у меня нет, а я сам, своей, что называется, охотой, пишу и никакую организацию не представляю, то сообщили мне, что никаких башенных часов из Лальска у них нет, а есть только напольные, работы часового мастера Михайлы Коршунова. Зато очень красивые и показывают даже фазы луны. Тогда я снова написал в Лальский музей, и

выяснилось, что бывший настоятель Лальского Воскресенского собора считал, по каким-то ему одному известным причинам, что часы находятся в краеведческом музее Сыктывкара, и даже писал туда, считая, что часы нужно отдать собору. Музейщики – люди не из тех, которые по доброй воле отдадут хотя бы ржавый гвоздик, попавший к ним в фонды. Сыктывкарские – не исключение. Так я и не смог узнать, куда делись часы с колокольни Лальского Воскресенского собора. Как бы не сами хозяйственные лальчане не растащили в тридцатых части неработающего механизма по домам.

¹³И ведь нельзя сказать, что лальские купцы были дураки. Вовсе нет, но с дорогами у них была беда. Для того, чтобы в Лальск смог приехать генерал-губернатор Мельгунов и объявить его городом, пришлось срочно ремонтировать дорогу от Устюга до Лальска – и мосты, и перевозы, и даже ставить новые верстовые столбы. Да и сейчас, когда их сменили новые купцы и неугасимых лампад Спасителю уже давно нет, с дорогами все без изменений. Вот кабы приехал в Лальск губернатор... Нет, мало губернатора, чтобы исправить дорогу от Лузы до Лальска, не говоря о дороге до Устюга. Тут поднимай выше... но кто же ~~приедет~~ спустится в забытый богом Лальск с самых вершин... И начинаешь думать, что, может быть, дело в той самой лампаде Спасителю, которая давным-давно погасла.

¹⁴Справедливости ради нужно сказать, что были и совсем другие примеры. Лальский мещанин Григорий Зарубин, обучавшийся в Архангельской мореходной школе, в семьсот девяносто втором году ходил на торговом корабле «Меркурий» в заграничное плавание, в Голландию.

Вообще же жители Лальска морских путешествий и торговых предприятий, связанных с морем, не боялись. Так лальский купец Афанасий Чебаевский был одним из двенадцати компаньонов, снарядивших в 1758 году промысловую экспедицию на боте «Св. Улиан» на Алеутские острова. Четыре года длилось плавание. Одних черных и чернобурых лисиц добыли больше тысячи. Прибыль от экспедиции была оценена в сто тридцать тысяч рублей. Еще и привели в российское подданство двадцать восемь ничего не подозревающих алеутов на островах Уналашка и Умнак, которые сами же открыли и нанесли на карту. Правда, пришлось для острастки пострелять, но все обошлось благополучно. Все двенадцать купцов, и Афанасий Чебаевский в их числе, были награждены золотыми медалями «За полезные обществу труды».

Лальские купцы Терентий Чебаевский и Василий Попов снарядили в 1764 году на промыслы на Ближние и Лисьи острова Алеутской гряды шитик «Св. Иоанн Устюжский Чудотворец». После удачных промыслов через два года судно возвратилось на Камчатку. В том же году Василий и Иван Поповы снарядили промысловую экспедицию к Ближним и Лисьим островам на шитике «Св. Иоанн Устюжский Чудотворец», а через три года Поповы в компании с соликамским купцом Иваном Лапиным построили судно «Андреян и Наталья» и отправили его на промысел к острову Кадьяк. Плавание казалось удачным – пушнины добыли на шестьдесят три тысячи рублей.

Иван Попов организовал нескольких промысловых экспедиций, но после неудачного плавания судна «Иоанн Предтеча» в устье Амура в 1768–1772 годах разорился и через два года умер. Наконец, лальский мещанин* Иван Бурчевский, у которого денег на снаряжение собственного судна не было, в 1792 году плывал вместе с Григорием Шелиховым к северо-западному побережью Америки.

*Лальские мещане были, конечно, разными. В то же самое время, когда Иван Бурчевский бороздил просторы Тихого океана, другой лальский мещанин, Петр Угрюмов, за разбой и грабежи, по приговору Нижегородской Уголовной Палаты, был наказан кнутом с вырезанием ноздрей и сослан в каторгу навечно.

¹⁵Богатые лальские купцы жили в богатых, по лальским, конечно, меркам, домах. Купчиха Федора Юрьева – в восьмикомнатном доме, самые богатые Василий Саватеев и

Василий Максимов – в семикомнатных. Купец третьей гильдии Сумкин и вовсе жил в четырехкомнатном доме, но самым большим домом в девять комнат владел не самый богатый купец Михаил Бобровский.

¹⁶Вы, конечно, спросите куда же делись первые тридцать лет истории Лальска в позапрошлом веке. Кто же их знает. Запропалились куда-то*. В историях наших провинциальных заштатных городов, случается, пропадают и целые века. Что уж говорить о десятилетиях. Само собой, люди в них живут, рождаются, женятся, заводят детей, умирают, растят крыжовник и тыквы, торгуют мылом, пряниками, глиняными горшками, картузами или мобильными телефонами, но при этом не происходит ровно ничего, кроме выращивания редьки и моркови, торговли мылом, пряниками, картузами и мобильными телефонами. Не дай Бог путешественнику во времени попасть в такую темпоральную петлю – его оттуда не вызволить никакими силами. В таких временных болотах вязнут и тонут даже полноприводные машины времени на гусеничном ходу.

*Все же одно свидетельство существования Лальска в эти годы мне найти удалось. Городское общество г. Лальска прислало пятьсот рублей на благоустройство Вологды к приезду императора Александра I в августе восьмьсот двадцать четвертого года. Огромная, между прочим, для Лальска сумма.

¹⁷Фамилия Сумкиных известна в Лальске еще с середины семнадцатого века. Сумкины торговали пушшиной, которую привозили из Сибири. Сам Степан Семенович начинал, что называется, с низов. В 1782 году ему было двенадцать лет, и по данным переписи он значился как «мещанский сын». О его имущественном положении сказано «без всякого имения, умеющий читать и писать». Учиться в Архангельск или хотя бы в Устюг он поехать не мог, а посылать его за счет города никто не собирался. Определили его с другими мещанскими мальчиками в городской магистрат. К сорока годам этот мальчик «без всякого имения» уже купец третьей гильдии, а через год, после того как он записался в третью гильдию, Сумкин перешел во вторую, объявив капитал в двадцать тысяч рублей, и еще через шесть лет открыл писчебумажную фабрику.

¹⁸Сергей Михайлович Прянишников умер в девятьсот двенадцатом году и похоронен в Лальске. На черном гранитном надгробии выбито «Надгробное слово, сказанное рабочими фабрики Сумкина, на которой покойный прослужил более 50 лет»: «Глубокоуважаемый Сергей Михайлович! Мы рабочие заведываемой тобою фабрики движимые искренней признательностью за твое отеческое отношение к нам, собрались у гроба твоего, чтобы воздать последний долг и проститься с тобой. Как много ты в течение своей долгой трудовой жизни, поражая нас своей энергией, трудолюбием и знанием всех мелочей фабричной работы. Как много сделал ты для усовершенствования и увеличения фабрики! Благодаря твоей работе увеличивалась и потребность рабочих рук, поэтому для постепенного увеличения семейств приходилось тебе без причины вызывающей с нашей стороны разлучаться со своими детьми. А кто помогал нам материально и нравственно в безчисленных нуждах наших? Кто поддерживал нас при воспитании наших семейств? Все ты – покровитель и благодетель наш! Ты умер, постепенно угасая, твой мощный дух долго боролся со смертью. Но не умрет память о тебе, еще долго фабрика будет собою напоминать о своем создателе. Память о тебе будет передаваться среди нас из поколения в поколение. Прости нас, грешных, если заставили тебя порой пережить несколько горьких минут! Дай Бог тебе, труженик и добродетель наш, упокоение в вечной радости. Царствия Небеснаго!»

¹⁹Когда городское училище открылось, то по распоряжению Петербургского учебного округа в нем повесили портрет Ивана Степановича. Там он и висел до тех самых пор, пока училище не преобразовали в советскую школу. В советской школе вешали совсем другие портреты, а куда подевался портрет Пономарева...

²⁰Когда начались выборы депутатов в Третью Государственную Думу, от землевладельцев восточной части Устюжского уезда хотели выбрать И.С. Пономарева и, конечно, выбрали бы, но к тому времени Иван Степанович землей уже не владел, и потому был выбран протоиерей Лальского собора А.А. Попов. Кстати, скажем и о Попове. В девяносто первом году он открыл при Лальском Воскресенском соборе бесплатную народную библиотеку, книги в которой выдавали не только горожанам, но и крестьянам окрестных сел и деревень. В девятьсот десятом году в ней уже было более восьмисот томов.

²¹Половник – крестьянин, арендующий землю не за деньги, а за половину урожая.

²²Переписали всех, кто жил подаяниями. Набралось немногим более полусотни человек. Определили им денежное пособие, но строго-настрого запретили ходить по домам и просить милостыню. Так они и послушались...

²³Со стороны, конечно, кажется странным, что двадцатому веку в истории Лальска уделено в моем рассказе так мало места, но... краеведческих работ по этому периоду, как сказала мне сотрудник Лальского историко-краеведческого музея Юлия Страздынь, найти невозможно, поскольку их почти нет. Нужна долгая и кропотливая работа в архивах, которые находятся частью в Кирове, частью в Архангельске, частью в Вологде. И в эти города на пригородном автобусе из Лальска не доехать. Нужны командировки, на которые нужны деньги, а деньги... Сами все понимаете.

²⁴Умение делать хорошее масло у лальчан, можно сказать, врожденное, вологодское. Они и вообще считают себя вологодскими. Те восемьдесят лет, которые Лальск провел в составе Кировской области, не сделали их вятскими. Поздно им меняться. Да и зачем?

Библиография

- Любимов В. А. Лальск // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1994. Т. 1: Города.
- Страздынь Ю.Ф. Лальск: от посада до города // Из жизни малого города. Сборник материалов 9-х, 13-х и 14-х краеведческих чтений 2012, 2016 и 2017 гг. – Лальск, 2017.
- Пономарев И.С. Материалы к истории города Лальска Вологодской губернии. – В. Устюг, 1897.
- Алексеев А.И. Судьба Русской Америки. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1975. – 327 с., с ил., карт.
- Чебыкина Г.Н. Великий Устюг. Летописная книга XII – нач. XXI века. – Великий Устюг: Великоустюгский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2007. – 192 с.
- Чебыкина Г.Н. Лальская писчебумажная фабрика Сумкиных // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда: Легия, 2000. – 384 с.
- Страздынь Ю.Ф. Церкви старого Лальска и Лальской округи // Сохранение исторических объектов и памятных мест Лузского района Кировской области. Сборник материалов третьей областной научно-практической конференции, посвященной Международному дню памятников и исторических мест. – Лальск, Киров, 2011. – 288 с., ил.
- Горячевская Л.Ю. Лальский городской голова И.С. Пономарев (1849–1916): факты из биографии // Там же.
- Пономарев В.И. Театр в Лальске в конце XIX и начале XX вв. // Вятские записки №19. – Киров, 2011. – 272 с., ил. С. 120-122.
- Пономарев В.И. Клубы в Лальске в конце XIX и начале XX вв. // Там же. С. 123–125.
- Л. В. Нестерова Великий Устюг в годы Русско-японской войны (1904-1905) // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Выпуск 4. – Вологда, 2007.
- Справочная книжка для Вологодской губернии на 1853 г. – Вологда, 1853. – 124 с.; на 1854 г. – Вологда, 1854. – 227 с.; на 1855 г. – Вологда, 1855. – 259 с.; на 1856 г. – Вологда, 1856. – 98 с.

Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 г. – Вологда 1860. – 129 с.; на 1861 г. – Вологда, 1861. – 129 с.; на 1862 и 1863 г. Выпуск I. – Вологда, 1863. – 171 с.; на 1864 г. – Вологда, 1864. – 154 с.; на 1873 г. – Вологда, 1873. – 321 с.; на 1875 и 1876 г. – Вологда, 1875. – 262 с.; на 1897 г. – Вологда, 1897. – 259 с.

Вологодские губернские ведомости, 1843. №26; 1844. №13; 1846. №11; 1847. №48; 1848. №11; 1849. №11.

Павлушковы: воспоминание о старом Лальске // Сохранение исторических объектов и памятных мест Лузского района Кировской области. Сборник материалов третьей областной научно-практической конференции, посвященной Международному дню памятников и исторических мест. – Лальск, Киров, 2011. – 288 с., ил.